

ЙЕНС ЛАПИДУС

18+

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«ШАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ»

VIP-ЗАЛ

Это только начало!
Новая книга от автора бестселлера!

Йенс Лapidус
Vip-зал
Серия «Мастера саспенса»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18305521
Йенс Лapidус. Vip-зал: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-089742-1

Аннотация

Найдан, по прозвищу Тедди, выходит на свободу после восьми лет пребывания за решеткой. Он решил навсегда покончить с преступным миром. Но у него совершенно нет денег, да и от службы занятости нет никакого толка. А тут надо вернуть долг к концу недели... Тедди, зная его темное прошлое, предлагают работу: найти молодого человека, которого похитили неизвестные. Состоятельные родители похищенного амбициозного бизнесмена боятся огласки и не осмеливаются обратиться в полицию, а ищут помощи у юридической фирмы. Что скрывается респектабельная семья? С чем предстоит столкнуться Тедди и Эмили из юридической фирмы? Кто стоит за маской белого кролика? И при чем здесь детская порнография?

Содержание

Жесткий диск	5
18 января	7
21 января	11
5 февраля	19
12 февраля	20
Жесткий диск	27
15 февраля	29
16 февраля	32
18 февраля	42
За решеткой	50
19 февраля	54
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Йенс Лapidус

Vip-зал

Jens Lapidus «VIP-RUMMET»

Перевод с шведского Анна Огневой

Печатается с разрешения литературного агентства Salomonsson Agency

Copyright © Jens Lapidus 2014

© Огнева А. А., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Жесткий диск (Восемь лет назад)

Сесилия заглушила двигатель автомобиля. На секунду в наступившей тишине ей показалось, что все в порядке. Она глубоко вздохнула. Вовсе не в порядке. И так никогда еще не было.

Машины она припарковала на площадке у Зайкиного детского сада. Будь все как раньше, она бы уже вытащила сумку из бардачка и поспешила бы за дочерью.

Вечно на бегу, голова вечно забита: что еще нужно сделать. Но в последние недели. Теперь жизнь больше не шла по накатанной колее, а превратилась в катастрофу, грозящую крахом и позором ей и ее семье.

Сейчас ей нужно побыстрее выскочить из машины и забрать детей, они в опасности. Но Сесилия откинулась на спинку сиденья и не могла пошевелиться. Как же здесь тихо, и здесь ее не увидит какой-нибудь знакомый, недоумевающий, почему она вдруг решила расслабиться в машине в четыре часа дня.

Но расслабиться и закрыть глаза она не могла.

Она боялась.

Около часа назад кое-что случилось. Снова.

Тогда она прошла пешком с Кунгсхольмен до Центрального вокзала и собиралась спуститься в метро и поехать на работу. Шефу она сказала, что была у врача из-за боли в спине.

Моросило, капли дождя покалывали лицо, как крохотные иголки. Лужи на дороге напоминали блестящие темные пятна краски. Проходя мимо ратуши, Сесилия насчитала на парковке семь туристических автобусов. Группа женщин, одетая в такие толстые пуховики как у полярников, собралась вокруг гида. Они сгрудились вместе, подняв раскрытые зонтики, как единый щит против плохой погоды.

Сесилия перешла через дорогу, чтобы не проталкиваться сквозь толпу туристов. И когда она почти бежала по другой стороне, у нее вдруг возникло странное чувство. В десятке метров позади нее улицу переходил мужчина в низко натянутой на лоб зимней шапке. И он тоже спешил. Разве не этого же человека она видела курящим рядом с детским психологическим центром? Как будто он чего-то ждал. Ждал, пока она оттуда выйдет?

И в этот момент зазвонил телефон. Скрытый номер.

— Это Сесилия Эмануэльсон?

Голос был мужской.

— Да, это я.

— Хорошо. Просто хотел сказать: твой муж у нас.

— Что?

— Обернись.

Сесилия резко развернулась. Она увидела, как где-то далеко туристы потянулись к входу в ратушу. Она поискала глазами знакомую фигуру. По другой стороне улицы прогуливался мужчина в костюме под зонтиком. А потом она увидела его, человека в шапке. Он стоял в десятке метров от нее, прислонившись к фонарному столбу. Казалось, дождь его не беспокоил. К уху он прижимал мобильный. Увидев, что она его заметила, он поднял руку с телефоном.

Затем она снова слышала его голос в трубке:

– Молчи и слушай. Все очень просто. Матс у нас. И мы следим за тобой. Только попробуй обратиться в полицию сама или через кого-нибудь – и мы его убьем. Просто хочу, чтобы ты это знала.

Сейчас ей нужно выйти из машины, быстро забрать Зайку и Бенямина. Потом мчаться в аэропорт и ближайшим рейсом вылететь к родителям. Нельзя звонить в полицию, пока она не поймет, что все это значит. Кроме того, надо сначала отвезти детей в безопасное место подальше от Стокгольма.

Но она не могла выйти из машины. Она сидела и думала о том, почему все так случилось.

18 января

Туфли: «Дзеня».

Смокинг: «Корнелиани».

Сорочка: «Фрай».

Сегодня Филип Шале одет безупречно – ни малейшего изъяна.

Весь ансамбль обошелся в тридцать две тысячи крон в «Ханс Альде», за исключением сорочки – она, кстати, была заказана по мерке прямо из Италии.

Ее и еще три повседневные рубашки он получил неделю назад. Сшита из первоклассного хлопка, выращенного на Карибском острове, нити двойного кручения, пуговицы из натурального перламутра. Отделка воротника и манжет выполнена вручную. Что-то около девятнадцати тысяч евро. Практически даром.

Ну вот: кто-то залил смокинг и рубашку пивом. Или, может быть, коктейлем. Или это вода? Дело в том, что он совершенно не помнил, как это случилось. Он не помнил даже, где это случилось. Просто вдруг почувствовал что-то мокрое сквозь тончайшую шерсть.

Филип осмотрелся. Субботний вечер в самом модном месте города. Танцпол VIP-зала в «Кларе» переполнен.

Акселя невидно. Наверное, ушел домой сразу после ужина: всем известно, что он ненавидит благотворительность.

А вот Карл помахал ему с танцпола. Цветные блики, как от зеркала, отражались от его вспотевшего лба.

А Ян – Филип повернул голову – ну конечно, Ян сидел рядом с ним за столиком. Воротничок его рубашки плотно прилегает к шее – как в рекламе зимней коллекции «Бриони». Бабочка все еще завязана идеально, хотя на часах четверть пятого. Этого Яна всегда заботит внешний вид.

Ян наклонился к Филипу и прокричал ему в ухо:

– Извини, я оплачу химчистку! Ноу проблемс.

Вот как. Значит, это Ян виноват.

– Шикарная у тебя рубашка. Ты знаешь, девяносто пять процентов здешнего сброда не шьют сорочки на заказ. И еще пятьдесят из них вообще не слышали о «Фрай». Ленивые нищebroды. Идиоты.

Филип не понимал, что Ян имеет в виду. Может, он перебрал, или это просто ход, чтобы отвлечь внимание от испорченного смокинга. А может, для Яна это в порядке вещей.

В колонках: ровный ритм Авичи.

В носу: щекочет кокс – неустойчивое чувство, как будто пол вращается вокруг своей оси.

Двадцать минут назад Филип, склонившись над столом, втягивал дорожку. Здесь отделение для самых-самых клиентов: в VIP-зале всем наплевать на наркотики.

*So wake me up when it's all over...*¹ Люди на танцполе заывали как ненормальные. Они по-поросычьи верещали и скакали вверх-вниз, опьяненные чувством беззаботности.

Ян снова наклонился к Филипу:

– Посмотри на них. Продажные. Ограниченные. И-ди-о-ты.

Филип больше не мог слушать это нытье. Он вернулся к своему коктейлю. Свежий лимонный вкус его немного взбудрил – он сделал еще один глоток и попытался сфокусироваться на танцполе.

¹ Строчка из песни Avicii «Wake Me Up».

Одну из танцующих девушек он узнал.

В его голове под пульс стробоскопа возникли и другие картинки.

Встреча, на которой он был сегодня, – индивидуальное финансовое обслуживание, «Фенстрем и Квист», – скрипучий дубовый паркет и стены в деревянных панелях. Бесплатный обед плюс бокал терпкого «Сансер». Старинное убранство. Молодой клерк в розовом галстуке от Сальваторе Феррагамо и с серым лицом, пытающийся что-то рассказать об инвестициях. Конечно, у некоторых его предприятий излишняя ликвидность. И с прочими вложениями дела идут не очень гладко. И банк попытался до него донести, что ему нужно сменить управляющего и советника.

Но если ваша семья пользуется услугами одного банка вот уже шестьдесят лет, вы не меняете доверенных лиц просто так, им бы следовало это знать. Тем не менее Филипп вежливо все выслушал, ему не хотелось огорчать парнишку, к тому же у него была причина сюда зайти. Только он еще до конца не знал, пришел ли он потому, что хотел получить улучшенный банкинг, или...

Он снова ее заметил. С этой девушкой он встречался пару недель назад. Она попыталась перехватить его взгляд. Ее имя вылетело у него из головы, кажется, что-то вроде Нины или Анины.

На танцпол выпустили дым. Карл танцевал с двумя девицами и выделялся, как акробат.

Луч света снова выхватил из толпы ее лицо, как будто растворившееся в людском море, она была частью дымной пелены, частью этого места. И все же он отчетливо различал ее взгляд. В прошлый раз она трещала без умолку, болтала обо всем, и чем она займется после учебы. Сейчас он даже не мог вспомнить, где она училась.

Она трепалась обо всех знакомых и незнакомых, о том, кто из клубных охранников был клевый, а у кого были садистские наклонности. И вот снова: он ясно увидел ее глаза.

Он ничего не сказал Яну.

На большом билборде на «Скандик Англез» показывали что-то про лыжные костюмы. Снег в рекламе был таким белым, что Филипп отвернулся.

Куда все подевались?

Клуб закрылся. Ян смылся – сукин сын, ведь это он его напоил и уговорил остаться.

Ему нужно домой. Он осмотрелся в поисках такси.

Холодно.

Крошечные диоды, составлявшие картинку на рекламном щите, осветили Филиппа, как прожекторы. Ему хотелось закрыть глаза. Лечь в постель. Немного отдохнуть.

Несколько человек шли ему навстречу.

Филипп снова оглядел улицу. Какая-нибудь машина скоро появится.

Кто-то толкнул его.

– Эй ты.

Это был коренастый парень в черной шапке, низко надвинутой на глаза, и в шарфе, закрывающем нижнюю часть лица.

Филипп сделал шаг в сторону.

– Простите, – сказал он скорее машинально.

Парень обернулся.

– У тебя что, проблемы?

Он качнулся к Филиппу.

– Вы со мной говорите? – спросил Филипп.

– Я спросил: у тебя что, проблемы? Ты меня толкнул.

Парень в шапке подошел ближе.

– Это какая-то ошибка. Я просто жду такси.

– Заткнись. Ты реально влип.

– Но я не понимаю...

Удар пришелся чуть выше глаза.

Филип схватился за лицо и вскрикнул. Одновременно он заметил, что парень теперь стоял совсем близко.

Филип попятился.

Тогда кто-то схватил его сзади.

Он попытался вырваться, стал извиваться и брыкаться. Но это не помогло. Его держали слишком крепко.

Затем один из нападавших подошел вплотную к Филипу. Он что-то держал в руке. Пистолет. Человек приставил дуло к его животу и придвинулся еще ближе.

Он наклонился близко к лицу Филипа, и тот почувствовал что-то странное у уха. Он понял: человек с пистолетом облизал его мочку.

– Тебе нравится? Ведь нравится, да? – Незнакомый голос звучал совсем близко.

Они подтолкнули его вперед. Филип насчитал четырех. Все в темной одежде и в шапках или капюшонах, надвинутых на глаза. Они, должно быть, производили очень странное впечатление, пока шли по улице Биргер-Ярлсгатан. Только вот в это время суток в городе не очень-то многолюдно и вряд ли их кто-то заметит.

Он точно не знал, сколько было времени, только помнил, что все стокгольмские клубы закрываются не позже пяти. Кое-где он видел одиноких людей, сидевших на лавках или на корточках у дверей. Похоже, их тошнило, и они хотели немного протрезветь, прежде чем отправиться домой.

Нападавшие молчали. Они шли совсем рядом с ним, как телохранители. Спинай он чувствовал твердое дуло пистолета.

Кажется, он понял, в чем дело.

Они толкали его вперед.

Заставили его пойти с ними.

Куда они его ведут?

Слева остался «Риш». Свет внутри не горит, стулья подняты на столики. Последние охранники уже ушли домой, потому что на улице ни души.

Филип подумал о том, что обычно он здесь обедал. Рагу у них было неплохим.

Но не сейчас – сейчас все было плохо.

Они шли в сторону площади Ньюбруплан. Несколько пустых такси кружило здесь в ожидании таких, как он. Припозднившихся гуляк.

Филип хотел закричать или замахать руками. Но понял, что это дурацкая идея. Кем бы ни были эти люди, у них есть пистолет, направленный ему в спину. Он не мог ничего предпринять, не рискуя жизнью.

Он почувствовал, что, несмотря на холод, по лбу катится пот. Тошнота подползала к горлу, как змея.

Они перешли улицу и остановились у ларька, где продавались билеты на лодочные экскурсии. Здесь было темно, свет фонарей не доходил до причала. Через дорогу виднелся темный парк Берцелиуса. Голые деревья протягивали редкие ветви в мрачное ночное небо, и грязный снег лежал здесь в ожидании рассветных сумерек.

– Слезай, – сказал парень с пистолетом.

Сначала Филип не понял, что от него хотят.

Потом один из мужчин знаками указал на край причала.

Им надо, чтобы он спустился и вышел на лед.

– Нет-нет. Так нельзя.

– Я сказал – слезай.

– Вы психи. Лед не выдержит. Я же утону.

Человек с пистолетом обошел его и встал напротив, лицом к лицу.

Он приставил пистолет к животу Филипа.

«Это конец», – догадался Филип. – «Не делайте этого, не делайте», – стучало в голове.

Человек с пистолетом сказал, как будто это было чем-то само собой разумеющимся:

– А теперь ты пойдешь туда.

Филип почувствовал дрожь в ногах. Он сел на корточки у края причала и начал медленно сползать вниз. До льда было метра два. Он отпустил руки и спрыгнул на скользкую поверхность.

Раздался треск. Он посмотрел вниз. Лед выглядел влажным и хрупким.

Он вспомнил, как в детстве катался на коньках на стадионе в Эстермальме.

Там было безопасно: под катком была твердая земля.

Филип не знал, насколько тонкой могла оказаться ледовая корка, но что-то ему подсказывало, что в такую зиму, как эта, лед не бывает прочным.

Это было равносильно самоубийству.

– Здесь нельзя пройти. Пожалуйста.

Мужчина наверху убрал пистолет. Вместе с остальными тремя он стоял у края причала, засунув руки в карманы, и глазел на Филипа.

– Иди, – сказал он.

21 января

На небе сегодня ни облачка. Многие стокгольмцы подтвердят, что ради такого дня стоит потерпеть три месяца серости и унылой слякоти.

Деян не мог дожидаться предстоящей поездки. И не только из-за долгожданной встречи. Он обожал водить.

Он снял перчатки и повернул ключ. Машина завелась с полоборота. Руль оказался холодным, словно был сделан из металла, поэтому он придерживал его самыми кончиками пальцев правой руки. И все равно мерз. В новых моделях руль с обогревом, но ему же пришлось включить печку на максимум и ждать, пока салон прогреется.

Тачку он взял у Томаса, его собственная разбита в хлам после большой аварии на той неделе. Хотя это тоже «бэха», да еще и пятой серии, так что жаловаться не на что.

Некоторые вот водят «Опели» или «япошек».

Машина скользила на север по трассе E4. Разбуди его кто среди ночи с просьбой махнуть по этому пригороду задом наперед, он бы справился с первого раза.

Через некоторое время он свернул на E18. Теперь он ехал через северный Стокгольм. А это совсем не его район.

Не доезжая до Окерсберги, он свернул к Эстерокерской колонии. Кое-что изменилось с тех пор, когда он был здесь в последний раз. Да и в последние годы он навещался сюда реже, чем следовало бы.

Он думал о Тедди, после случившегося они не так уж часто разговаривали. Тедди – или Найдан, как его на самом деле звали, который стал Нэдди, который потом стал Тедди, – сказал, что справится сам. И Деян ни секунды не сомневался – Тедди всегда справлялся со всем сам. И когда они еще были желторотиками, и в любом деле, за которое они потом вместе брались, Тедди никогда не просил о помощи.

Много лет назад его, Тедди и Адама загребли за ряд краж со взломом в конференц-центрах. Они тогда уперли вина и шампуня на полтора лимона. Отличная была работка! Им ведь пролезть внутрь через кухню это как два пальца обоссать. А коды к винным погребам они получили от местного уборщика, которому в картах не очень свезло.

Полицейские вызывали Деяна на допрос семь раз, разыгрывали «доброго копа – злого копа», придумали несуществующие доказательства со следами ДНК и пытались натравить их друг на друга: «Адам рассказал, что ты у него взял машину тем вечером», «Тедди говорит, ты взял у него телефон», и так далее. Они всегда такую байдую гонят, но он-то тогда этого не знал.

Он загремел за решетку на три с лишним месяца, со всеми поблажками, хотя ему и восемнадцати не было. Ни разу ему не дали поговорить с родителями, температура в камере не поднималась выше шестнадцати градусов, а хмырь из клетки напротив выкрикивал персидские ругательства каждый день с восьми утра и не успокаивался до завтрака.

Koskesh – Деян, по крайней мере, выучил отличное слово – *похабник*.

Это все подрывало силы. Тошнота и вечные пробежки до туалета, чтобы отлить, когда сахар в крови поднимался, а ему запрещали выходить и двигаться в клетке.

Или приступы, когда он не мог есть их отвратную еду. По-умному это называется гипогликемия, низкий сахар. Это самое красивое слово, которое он знал, и одновременно – самое уродливое, знак его болезни.

Он хотел домой, но не только из-за диабета. Ему хотелось прочь от ночных кошмаров и затекших суставов. Съесть кебаб с двойным чесночным соусом, покурить тогда, когда вздумается. И чтобы мама его обняла.

Вот так он и разговорился, это ведь был первый раз, как он попал за решетку.

Деян когда вышел, узнал, что Адам тоже раскололся. Но кое-кто из них троих держал рот на замке и ничего не сболтнул, ни одного долбаного слова не сказал. Его продержали до самого суда, хотя Адама и Деяна давно отпустили. И осудили его за кражу с отягчающим, и до суда к нему никого не пускали, кроме полицейских и адвоката.

Тедди.

Потом он рассказывал, что выдержал только потому, что по три раза в день по сто раз отжимался, а все остальное время читал.

С того дня они знали, *все* знали – хотя никогда об этом и не говорили, – один из них был по-настоящему крутым.

Но это не все. Он сказал, что читал. Книги. Вот такой был Тедди: иногда он говорил прямо как его отец или как какой-нибудь учитель. Он был из другого теста.

Деян свернул на узкую дорожку. Вдоль нее выстроились дома, но чем ближе к тюрьме, тем реже они попадались. Снега здесь почти не было, как и в городе. Дорога свернула в лес, и он сильнее надавил на газ, чтобы немного развлечься.

Елки у дороги слились в сплошную полосу, когда он сосредоточился на поворотах. Вот это жизнь. И теперь можно надеяться, что все станет еще лучше.

Тедди заставлял мир вокруг вертеться, и не только благодаря кулакам. У него все шло как по маслу, потому что он думал как-то по-особенному.

Скоро уже Деян будет у тюрьмы и заберет своего лучшего друга. Самого крутого парня во всем Стокгольме.

Найдан «Тедди» Максумич выйдет на волю спустя восемь лет.

Прекрасный день.

* * *

Замок щелкнул еле слышно, но для Тедди это был важный звук. Звук, которого он так невероятно долго ждал. Он открыл стальную дверь, и его поразило, насколько это было легко, как будто она была из картона.

Он выбрался на улицу и сощурился от яркого света. В метре над его головой торчала камера, и он знал, что там, на пункте наблюдения, они смотрели на него. Может быть, им хотелось, хотя бы некоторым из них, чтобы все получилось. Чтобы все было хорошо.

Мотор ревел, как на старом тракторе, хотя это и не дизель, да и выхлоп дымил, как кочегарка.

Корпус цвета «металлик» и восемнадцатидюймовые диски давно потеряли лоск, и одно из боковых зеркал почему-то было обмотано скотчем. Тедди очень занимал вопрос, действительно ли эта колымага доберется до Седертелье. Или она на каком-нибудь пригорке потеряет колесо. Или просто тихо заглохнет и загнетса, а они проторчат на холоде.

«Меня забирают на гопарской тачке, – думал он, глядя на приближающееся дымное облако. – Мой кореш приехал за мной на долбаном гопарском драндулете».

Дверь открылась, и Деян вылез из машины. Воротник его темно-синей куртки был поднят так, что виднелись оранжевые буквы «Hugo Boss» на его внутренней стороне. Деян улыбался так широко, как будто только что сорвал куш на скачках, но выглядел потрепанным. Там, где раньше под майкой бугрились мускулы, теперь уныло свисала куртка.

– Май фрэнд! – закричал Деян.

Они постояли, обнявшись несколько секунд. На зоне все телесные контакты между заключенными и посетителями вот уже несколько лет были под запретом, но теперь-то он на свободе.

Тедди почувствовал дыхание Деяна у шеи, и тот, уже серьезно, сказал:

– Добро пожаловать на волю, братан.

Они посмотрели друг на друга. Глаза Деяна темные, вопрошающие и вместе с тем хитрющие.

Потом улыбочка победителя вернулась.

– Обалденно выглядишь.

– Ты тоже, – соврал Тедди.

Тедди показал пальцем на машину и улыбнулся.

– Мог бы за мной приехать на чем-нибудь более презентабельном. Такие вот тачки тормозят только потому, что они выглядят криминально. Вроде раздолбанного «мерса» или «бумера».

Деян захлопнул багажник.

– Это не моя. Свою я разбил, а эту взял у Томаса. Да «бумер» всегда «бумер», это же твоя присказка, если я правильно помню.

– Да, только не ржавый и без такой трубы, что хоть топор вешай.

– Тогда давай возьмем твой «Лексус». – Деян огляделся вокруг и ухмыльнулся. – Или ты его далековато припарковал?

Тедди рассмеялся и снова вспомнил о ней. Как было бы, если бы за ним приехала Сара?

Как ни странно, Деян на трассе не разогонялся. Тедди спрашивал себя, что это за перерождение, но тут Деян стал трепаться о новом кузове X-6 и китайских подделках стимуляторов.

После Халлунды разговор перешел на общих знакомых со старых свободных времен. Друзей. Или кем они были? Александр остепенился, купил таунхаус в пригороде, в Стувсте, женился, развелся и снова женился. У него трое детей: двое от этих баб, и еще один уже давно, с малолетства.

Томас теперь правая рука Деяна, после того как Алекс остепенился и стал честным бургером. Но это совсем не то, что раньше, уверял Деян. Иван занимался все тем же, что и восемь лет назад, но поднялся в иерархии. Он теперь нацелился на по-настоящему серьезные дела.

Дилеры управлялись все больше прямо из Белграда или Черногории, они вели переговоры с картелями сами, и им всегда нужны были люди на местах.

– Но я так высоко не целюсь. Берусь за все, что приносит сегодня денежки, – рассказывал Деян. – Я еще неплохо навариваюсь. И еще кое-что. Мой долг Куму вырос. Дерьмово это, в общем, ресторан «Сульбергет», которым я для него занимался, провалился.

Тедди рассматривал себя в зеркале. Русые волосы подстрижены ежиком, в паспорте написано «мелированные», это когда он был моложе; глаза большие, зеленовато-карие. Нос приплюснутый, губы полные, и пока он держал рот закрытым, никто не видел зияющую дыру между зубами. С одним из зубов в нижней челюсти возникла проблема, пока он сидел, а так как денег на пломбу не было, да и настоящего дантиста в тюрьме не имелось, его решили выдернуть. Он попытался улыбнуться зеркалу. В общем-то, выглядел он довольно мило.

Он много раз представлял себе эту поездку. Кто за ним придет, о чем они будут говорить, будет ли он время от времени оборачиваться, чтобы посмотреть на полосу леса и дома, отделявшие его от тюрьмы, которая с каждой минутой становилась все дальше.

* * *

Кабинет Эмили располагался на восьмом этаже, и видно из окна сегодня далеко, до самого Седермальма. Зубцы и башенки Дома Лаурина и подъемник Мариакхиссен четко вырисовывались на фоне остального города, а еще дальше виднелся концертный зал Глобен, круглый и белый, как забытый кем-то футбольный мяч.

Никто из фирмы в этом районе не жил. Владельцы «Лейонс» обитали в уважаемых пригородах вроде Сальтшебаден или Юрсхольм или владели апартаментами в Эстермальме и Сити. Ассистенты обитали в Васастан или на Кунгсхольмен, за исключением, разумеется, тех, кто родился с золотой ложкой во рту. Но все *хотели* жить в Эстермальме. Эмили жила на Рерстрандсгатан и тоже была не прочь перебраться в этот шикарный район. Впрочем, никакой роли не играло, чего она хотела или не хотела, она знала, чего ей *полагалось* хотеть.

Сегодня ее соседка по кабинету была на месте.

Юсефин работала здесь на три года дольше Эмили и уже давно получила адвокатское звание. Через пару месяцев и Эмили его заслужит, нужно только дождаться рекомендаций. Просто соблюсти все формальности.

Рядом были и другие ассистенты, которые успели проработать столько же, сколько и она, но владельцы конторы по какой-то причине считали, что сотрудников нужно посадить вместе, как в раздевалке.

Эмили взглянула на черновики договора, разбросанные по столу. Кожа на руках была сухой от зимнего воздуха и от постоянной возни с бумагами. В фирме существовал электронный документооборот, но на практике все заканчивается тем, что ты распечатываешь нужные бумаги и закапываешься в них.

Она сохранила новую версию договора, назвала файл «Shareholder Agreement v 2.3» и закончила печатать.

– Юсефин, можно взять твой крем?

Большинство ее друзей натирали лицо и руки сутки напролет, все эти кремы и лосьоны определенно обходились им дороже, чем еда. Но у Эмили так не получалось. Она считала это пустой тратой времени, да и сам процесс ей не доставлял большого удовольствия. Но она все равно злилась из-за пересохшей кутикулы.

Юсефин бросила ей зеленый тюбик «L'Occitane». Эта Юссан была суперэкспертом по уходу. Каждый раз, вернувшись из туалета, она сначала протирала руки бактерицидным гелем – «чтобы избежать *бацилл*», потом долго намазывала их кремом, а в завершение подкрашивала губы.

Похоже, она считала, что губы тускнели, если она находилась в ватерклозете дольше тридцати секунд.

Эмили почувствовала неприятную пустоту в животе. Она нервничала. Через час ее будут оценивать на ежегодной встрече с владельцами фирмы, которую тут называли «беседой о перспективах».

Она вернулась к работе над акционным договором. Он касался предприятия, занимающегося интернет-играми типа покера или ставок. Владельцы хотели привлечь новый капитал, и важно было, чтобы инвестор впоследствии мог выйти из проекта без затруднений. Когда речь идет о Покупателе с большой «П» в самом монетарном смысле слова, то не важно, венчурный ли это капиталист или промышленный игрок. Все акционеры должны быть в одной лодке. Никому не нужны шумные мелкие однопроцентники, что-то там твякающие под боком.

Юсефин собрала сумку, она шла на встречу, и потом рабочий день для нее уже закончен.

– Ты ничего мне не рассказываешь, как дела?

Эмили уже почти закончила, осталось только представить договор владельцу, Магнусу Хасселу, вечером. Но Юссан, конечно, спрашивала не об этом.

– Не знаю, думаю, закончу с этим за пару часов. Но у Магнуса телефонная конференция с Сан-Франциско, так что я не представляю, когда он сможет меня принять.

– Я имею в виду вашу «перспективную беседу».

– Все в порядке. – Эмили попыталась сказать это самым ровным тоном.

Юсефин ухмыльнулась.

– Когда я работала столько, сколько ты сейчас, то завидовала уборщикам.

– Уборщикам?

– Да, и охранникам. Я подсчитала, что уборщики в час зарабатывали в 1,4 раза больше, чем я. С тобой, наверное, так же, принимая во внимание, сколько ты здесь сидишь. Ты могла бы обсудить это на сегодняшней встрече...

Эмили замерла, глядя на свою коллегу.

Юсефин рассмеялась, надевая пальто.

– Я просто шучу. Думаю, у тебя все получится, – произнесла она и оставила Эмили наедине с договором.

Оба владельца и она.

Андерс Хенрикссон был сорокавосемилетним супергиком, который недавно женился на своей двадцатисемилетней секретарше; притворялся, что ему тридцать, и думал, что «Икона Поп» – это итальянское марочное вино. Эмили слышала, как Юсефин говорила с ним об этом на фуршете прошлым летом. В то же время он был одним из лучших в стране экспертов по слияниям и поглощениям. Список дел, которые он устроил, и предприятий, которые он представлял, был огромным. В последнем рейтинге юридических фирм «*Legal 500*» он значился как ведущий специалист, то есть был одним из восьми самых влиятельных юристов Швеции, занимающихся самыми прибыльными сделками.

Пятидесятиоднолетний Магнус Хассел был, насколько она знала, простым отцом семейства. Он обожал современное искусство и завесил стены офиса работами художников. Имя Магнуса тоже значилось в юридических рейтингах в связи с крупными делами: слиянием сетей аптек, продажей медуслуг. Разрушением общества всеобщего благосостояния, как сказала бы мать Эмили.

– Итак, Эмили, вам нравится у нас? – начал Андерс.

Они сидели не в одной из переговорных, а в кабинете Андерса. В углу здесь стояла пара кресел. На полу расстелен бордовый ковер из лоснящегося натурального шелка. Эмили пыталась удержать в голове слова Юссан.

– Мне кажется, что дела идут хорошо. Мне здесь действительно очень нравится. Я многому научилась и взяла на себя большую ответственность. Думаю, все неплохо.

– Отлично. Как вы считаете, ваша работа соответствовала вашим ожиданиям?

– Безусловно, я постоянно получаю важные задания.

Так они продолжали в течение пятнадцати минут. Сдержанное одобрение и похлопывание по плечу. Затем настала очередь серьезных вопросов.

– А как обстоят дела с практикой? – спросил Магнус.

– В прошлом году я набрала около двух тысяч часов, так что я довольна.

– Но полного удовлетворения нет, ведь так, Эмили?

– Конечно, я стремлюсь к звездам.

– Именно. Мы просмотрели ваши часы, и у нас есть, так сказать, некоторые соображения.

Эмили почувствовала, как ее ладони стали влажными.

– В прошлом году вы участвовали в работе над «Проджект Классик», там было легко набрать нужное количество часов. Что бы вы делали, если бы вам не достался этот проект?

– Думаю, нашлись бы другие важные дела. Например, «Проджект Твин».

– Нет, для этого проекта вы бы не подошли, им нужны более опытные юристы и специалисты по налогообложению. Так что я все-таки хотел бы узнать, что бы вы стали делать.

Магнус спокойно сидел, положив руки на колени. Андерс тоже казался расслабленным. Оба ждали ее ответа.

– Я бы серьезно работала в меньших проектах. Возможно, пришлось бы провести больше времени в офисе, чтобы набрать часы, но это тоже был бы неплохой вариант.

Магнус наклонился к ней.

– Ну же, Эмили. Ведь на самом деле вы не представляете, чем бы занимались, не так ли?

Эмили не знала, какого ответа они от нее ожидали.

– Важно, чтобы вы это понимали. Не так ли?

Он криво улыбнулся.

– Потому что здесь, в «Лейонс», мы все зависим друг от друга. И все зависят от нас, потому что это мы ставим цели. Понимаете? Вам просто повезло в прошлом году. У нас у всех был удачный год. Но теперь все серьезнее, девочка.

Эмили попыталась улыбнуться в ответ.

– Я понимаю, что вы имеете в виду.

– Не уверен. Но мы ожидаем, что вы будете работать усерднее.

Магнус больше не улыбался. Его глаза все еще поблескивали.

* * *

Едва Тедди снял куртку, Линда бросилась ему на шею:

– Тедди, Тедди, я так рада тебя видеть! Заходи. Проходи в гостиную.

Она его не обнимала, скорее, висла на нем, как маленький ребенок, который лезет на взрослого дядю, как на шведскую стенку. Ее манера двигаться и говорить напоминала о матери, эта порывистость движений, как будто она раз за разом сама себя удивляла.

Прихожая в доме у Линды за восемь лет не изменилась. На стенах висели две фотоафиши, одна с изображением моста в Нью-Йорке, другая – старое фото моста над Адой в Белграде. Похоже, ей нравилась эта символичность. Нью-Йорк и Белград были ее любимыми городами.

Тедди снял ботинки. Он знал, что Линда это любит. А вот Деян протиснулся в дверь вслед за ним, не снимая своих черных туфель.

Здесь сегодня Тедди будет ночевать. Точнее, здесь он будет жить в ближайшее время.

Линда открыла дверь в гостиную.

Все в комнате смотрели на него: отец, сын Линды Никола, Дарко и его нынешняя подружка. Те, которые действительно ждали его, беспокоились, навещали и звонили все эти годы. Его семья. Все же ему казалось, что кого-то не хватало. Он хорошо знал, кого бы еще хотел здесь видеть.

Комната освещалась двумя торшерами под белым абажуром, каждый со своей стороны дивана, и люстрой с приглушенным светом, а еще – множеством цветных фонариков со свечами. На окнах с Рождества остались висеть картонные звезды. Интересно, почему Линда их не сняла.

На столе – две бутылки кавы и семь бокалов.

– Давайте же отпразднуем.

Линда налила себе игристого вина.

– За твою новую жизнь, Тедди, братишка.

Все рассматривали его. Поднимающиеся пузырьки в бокале блестели, как маленькие алмазы. Здесь было уютно, со всеми этими разномастными лампами и красивым ковром.

Он тоже поднял бокал.

Дарко поставил свое вино на стол, бокал звякнул, этот звук как будто был сигналом: улыбайся еще шире.

– Добро пожаловать на свободу.

– Спасибо.

– Не представляешь, как мы скучали по тебе.

– Не больше, чем я.

– Но теперь все позади, ведь так?

– Думаю, что так.

Тедди был ему рад. Дарко жил в Мальме и приехал сюда специально, чтобы отпраздновать освобождение Тедди.

– У нас тут кое-что для тебя... – Линда поставила на стол корзину. – Это наш тебе «приветственный набор». Мы положили сюда новое белье и носки, старый телефон Николы, которым ты пока можешь пользоваться; проездной на автобус на двести крон, бутылку красного и твой старый спортивный костюм. И еще я положила подарочную карту универмага. Неплохо, правда?

Тедди взял корзину.

– Вы замечательные.

Линда кивнула, глаза у нее покраснели.

Боян, отец, медленно подошел к нему. В красной вязаной кофте, немного свалывшейся, у шеи торчал воротник когда-то белой, а сейчас пожелтевшей рубашки. Он обнял Тедди. Это не были крепкие отцовские объятия, скорее, торопливое похлопывание по плечу. Но это был самый тесный телесный контакт, на который отец осмелился после маминой смерти.

– Dobrodošao, moj sin, – произнес он, сделав ударение на «сын» и глядя Тедди прямо в глаза, – Živeli².

– Спасибо, папа.

Тедди не хотел говорить по-сербски, но не потому, что он не понимал, просто это не его язык.

Отец все еще смотрел ему в глаза, ничего больше не говоря. Остальные ждали. Краем глаза Тедди заметил, как Никола переминался с ноги на ногу, он единственный не мог стоять спокойно.

– Ты мой сын и всегда будешь моим сыном, – сказал отец наконец. – Мама была бы рада, что ты вернулся.

Вечером, раздеваясь, Тедди заметил, что одежда резко пахнет дешевым порошком. Это напоминало зону. Кроме тех денег, что он держал в коробке еще с тюрьмы, у него было двадцать восемь тысяч в конверте и две старые золотые цепи. Надолго этого не хватит.

Новая жизнь.

Он осмотрел себя в зеркале, висевшем на стене. Шрам на животе выделялся тонкой линией, был, может быть, чуть краснее, чем обычно. Он вспомнил звук выстрела, как он сначала подумал, что стреляли в воздух.

² Добро пожаловать, мой сын. Ура (серб.).

Он решил отрастить волосы, сейчас они были миллиметра три длиной. Бритая макушка – хорошая прическа только для тюрьмы.

Он лег в постель, но все время ему казалось, что кто-то может ворваться в квартиру и навредить Николе или Линде. Как будто стены и двери в этом доме из гипса, словно они всего лишь декорации на сцене.

Скорее всего, это один из тех симптомов, которые бывают у только что вышедших. Так называемая вольная болезнь.

Он сел на краю кровати.

Неподвижно смотрел в темноту.

Он был болен свободой.

5 февраля

У Филипа всегда рядом с кроватью стоял полный стакан с водой, священный принцип. Он пошарил рукой. Прохладная, чистая поверхность. Отлично. И таблетки. Всегда таблетки. Он выдавил две капсулы «Золофта» и проглотил их, запив водой. Глотать таблетки он мог, если нужно, с завязанными глазами.

Слишком много картинок в голове. Рабочие совещания. Встречи с банком. Все, кому нужны деньги. Кровать в той квартире. Удар в лицо. Трескающийся лед. Этот милый врач в Каролинской больнице, который его зашивал. Стефани, ноющая – что случилось.

Ее можно понять: не каждый день люди его круга приходят домой с синяком во все лицо. И она еще не знает, что он стоял на тонком льду у пристани больше пятнадцати минут.

В конце концов люди на причале ушли, а он лег на лед и пополз к пирсу. Потом его целые сутки трясло.

Вообще-то ему хотелось выйти на балкон и проораться. Орать, пока легкие не лопнут и голова не взорвется. Но соседи это вряд ли оценят. И, может быть, кто-то из друзей и их родителей узнает. Семейство Гамильтон услышит или этот старик Вахтмайстер из дома напротив: похоже, Филипу плохо. Филип шумит. Филип плачет.

Родители обязаны были заметить симптомы раньше, когда он еще жил с ними. Круги под глазами, игра в приставку ночи напролет. Блоки таблеток на его столе, упаковки в мусорном ведре. Но они занимались своими делами. И Филипу даже нравилась эта дистанция между ним и родителями. Для них: вечеринки, приемы, коктейли, путешествия, работа. Для него: дома с сестренкой, друзья, что-то еще. Чаще всего просто один. Никчемный.

Он сел в постели. Голова кружилась меньше. Одеяло в пододеяльнике сбилось к ногам. Он попытался его поправить не вставая. Посмотрел на часы на тумбочке: «Картье Сантос», циферблат сорок четыре миллиметра. Купил пять месяцев назад в салоне Ньюмана. Титановые.

Тогда: часы – это триумф. Материал: черный, матовый, дорогой. Но тонкий. Подтверждение его статуса.

Теперь: месяц назад он купил «Патек Филипп». От «Картье» он начал уставать.

Десять минут одиннадцатого.

Пора вставать. Нужно выйти в мир. Нельзя, чтобы кто-то узнал, что он не мог заснуть до четырех. Никто не должен знать, что внутри Филипа есть другой Филип. Тот Филип, который был так близок к краю пропасти.

Он достал айпад и просмотрел: двадцать новых писем. Есть дела и поважнее, но ему хотелось все проконтролировать.

Потом он залез в Facebook. Последний пост он сделал в начале недели. Фото с танцпола в каком-то баре на площади Стуреплан: лучи света в дыму. Он сам с бутылкой в руке. Ему стало противно.

Новое входящее сообщение.

Вместо фото отправителя – красноглазый белый кролик.

«Я думаю о тебе чаще, чем хотелось бы. Теперь ты мой, Филип. Мы двое связаны навеки. Теперь я знаю еще больше. Пора кончать. Я скоро приду за тобой, Филип. Скоро. Твой АА».

Он пощелкал по разным иконкам.

Мокрый, тонкий лед снова возник перед глазами.

Лед трескался под ногами.

12 февраля

Черная комната.

Тедди сел в постели и пошарил рукой в поисках выключателя.

На него со стены тарачился Аль Пачино – с плаката к фильму «Лицо со шрамом».

Тони Монтана сидел с золотыми часами на запястье и бокалом виски на столе. У него красотка-жена, и дела идут хорошо, и все равно щеки ввалились даже больше, чем у отца Тедди после смерти матери.

Чернота во взгляде Монтаны переливалась за края фото, и Тедди чувствовал ее даже во мраке комнаты. Это была не та знаменитая сцена с горой кокаина на столе, где Монтана, опустившийся и развращенный, погружал лицо в порошок. Кадр на плакате сделан раньше. Когда Монтана еще был на вершине своей наркокарьеры, но уже тогда им завладела ночь.

На полке стояли две фотографии в рамках. На одной – Линда в голубом платье, в день окончания школы, счастливая. Тедди вспомнил, как потом они праздновали это событие дома у отца. Через год родился Никола, и тогда отец уже не был так доволен. Ведь Линда должна была учиться в университете или институте.

На второй фотографии вся семья целиком. Мать, отец, Линда, Дарко и он сам. Фото сделали в Белграде, когда они еще были детьми. На заднем плане каменная стена с огромным фиолетовым рододендромом, которому, похоже, лет сто. Тедди тогда исполнилось одиннадцать, и все же он отлично помнил то лето. Каждый вечер он, Дарко и отец шли в «Кафе Библиотека», а мама и Линда занимались своими делами.

Отец ел говяжий салат со сладким луком и беспрестанно курил местные сигареты «Дрина».

Они болтали о книгах, футболе и еде, и лицо отца, когда он смотрел на них, светилося теплотой. Тедди всмотрелся в лицо отца на фото. Скоро идти к нему.

Но сейчас нужно снова заснуть.

Ночь всегда была его другом.

Раньше.

В ближайшее время ему потребуется поправить финансовые дела. Двадцати восьми тысяч крон и двух золотых цепей не хватит даже на половину необходимого. Новые права – теория, вождение и сам экзамен поглотят весь его небольшой резерв быстрее, чем он успеет сказать слово «деньги». Прежде всего ему нужно найти себе жилье, и пока не найдет, надо убедить Линду разделить с ним плату за дом.

На подаренную карту он сможет купить рюкзак и пару зимних ботинок.

Все остальное, что у него сейчас было, одолженное. Проклятье, даже трусы на нем чужие, а те три пары, что он получил от Линды, лежали в стирке.

Он вспомнил вчерашнюю беседу с Деяном.

– Как насчет огнестрела? – спросил Деян, когда они вдвоем сидели в кафе в Седермальме. Тедди набрал воздуха. Деян был с ним со старшей школы. Если он остался таким же, как и до срока Тедди, то он хороший друг. Верный и страшно забавный. Но не только веселый, а и ужасно нестабильный.

– Я больше не стреляю.

Деян удивился:

– Потому что не держал в руках пушку восемь лет? Думаешь, что отвык?

– Нет, я никогда не отвыкну, ты знаешь. Но я с этим завязал. С оружием.

– Но как у тебя с подготовкой? Ты справишься, когда понадобится, так сказать, телесный контакт?

– Этим я тоже больше не занимаюсь.

Деян отклонился назад и помолчал немного. Двигался он медленно, поворачивая голову туда-сюда, как сонный динозавр.

Шарф в клетку «Берберри» свисал вокруг шеи, и воротник футболки поднят, как обычно.

– А права, как с ними дела?

– Их забрали, когда я сел. Но я хочу поскорее получить новые.

– Что за хрень-то? Не стреляешь, рук не пачкаешь, даже машину не водишь. Тедди, скажи мне, что ты вообще *можешь* делать?

– Я чертовски хорошо делаю садовую мебель.

Деян поднял бровь.

– В последнее время я в плотницком цехе работал, и в Халле, и в Эстероке. Я не шучу. Скамейки, табуреты, скворечники. Я сделал семь из четырнадцати лавок, которые сейчас стоят в Хелласгордене – ну ты знаешь, в летнем клубе.

Деян отхлебнул своей «Колы Зеро». Раньше он предпочитал «Колу Лайт» – но смысл был один и тот же: держать в норме сахар в крови.

Деян прекрасно понимал, что скопилась куча проблем. Судебный пристав уже нудел насчет старых долгов «в общем и частном». «Белые» деньги будут сниматься со счета Тедди в максимальном объеме. Независимо от того, какая у него будет работа, жить ему придется на минимум, пока всякое желание работать вообще не пропадет. Но были и более опасные вещи. Вчера Линда дала ему клочок бумаги с телефонным номером. Похоже, кто-то звонил ему, кто – она не знала.

Он набрал номер.

– Да, – ответили на том конце.

Ему показалось, что он узнал голос.

– Привет, это Тедди, и кто-то звонил мне с этого номера.

– А, да, это ты. Хорошо, что позвонил. До нас дошли слухи, что ты вышел. А я-то думал, ты раньше следующего года не откинешься.

Голос звучал тягуче, собеседник говорил медленно, но невнятно, как спортсмен-борец на пресс-конференции.

– Я на свободе. С кем я говорю?

– Да это же Морган. Ты ведь меня помнишь? Могге Викинг, «толстый лорд» из кемпинга. Типа привет?

Тедди понял, в чем дело. Морган Эстлинг. Этот хмырь жил в кемпинге в Сульвалле тогда, восемь лет назад, и прославился благодаря своей неуправляемости.

Если руки Могге ничем не заняты – сморканием, почесыванием, мобильником, – он легко выходит из себя и узды на него не найти.

Время от времени к нему обращались, если требовалось вытрясти из кого-то долг или ввезти кого-нибудь в страну. По понятиям, он был шестеркой, парнем, над которым остальные ржали. Но с одним козырем – почти буквально.... Раз в неделю Могге Викинг играл в карты в клубе «Крукан» с Робертом Хильстромом. А Роберт Хильстром – это тебе не баран начал.

Хильстром занимался махинациями с «Мальборо», а сейчас, по слухам, он перешел на электронику. Импорт миллионных партий сигарет из «дешевых» стран, извне Европы разным компаниям, где в качестве подставных хозяев держали каких-нибудь нищих алкашей, а склады внезапно возгорались, обворовывались, затапливались или как-то уничтожались... Смысл – за сигареты не приходится платить акцизный налог, а иногда фирма даже получала страховые выплаты.

Все, кто был в теме, знали, что эти сигареты продаются в каждом втором ларьке Центральной Швеции. На зоне поговаривали, что Хильстром ворочил сотнями миллионов.

Тедди об этом слышал и всегда старался в теме: как раз перед тем, как туда попасть, он нашел Хильстрему курьера.

– Знаешь этого, Йонни Ульссона, помнишь его? Этого прыщавого мерзавца?

– Да, помню. Что с ним?

Тедди догадывался, к чему тот ведет, и ему это не нравилось.

– Его посадили пару лет назад.

– *Пару лет*? Это было шесть-семь лет назад. Разве нет?

– Ну да, и это ты нам его сосватал. Ему дали три года за посредничество в налоговых аферах.

– Я вам его нашел за *три* года до этого, да. Что тебе на самом-то деле нужно?

– Он нас всех сдал, семерых парней закрыли. Даже меня. Ты знал? Я год отмотал из-за твоего долбаного Йонни Ульссона.

Тедди слышал об этом, но руки еще не дошли разобраться.

– Так чего ты хочешь?

– Ничего я не хочу, я уже перебесился, но у других есть кое-какие мнения по этому поводу. Это-то ты одупляешь?

У Тедди не было проблем с пониманием. Понятия он знал. Йонни Ульссон, которого он, Тедди, им устроил, сел и к тому же прошляпил двести тысяч Хильстремовых денег, когда его взяли. Но сдача остальных была в сто раз хуже. Кому-то придется теперь за это отвечать. Так, по крайней мере, думал хозяин Могге Викинга.

Тедди глубоко вздохнул.

– Придется вам смириться. Это все в прошлом. Передай ему это. Пусть просто забудет.

Но глубоко внутри он уже понял, к чему все шло. Могге Викинг не позвонил бы, если бы Хильстрем не был настроен серьезно.

Король Мальборо определенно хотел свои бабки обратно, двести тысяч крон. И еще наказать стукача и тех, кто стукача *нанял*.

Могге был спокоен.

– Расслабься, Тедди. Я просто говорю, что кому-то придется отвечать. И если кто-то этого не сделает, для кого-то это закончится печально. Это ты тоже понимаешь.

Тедди попытался успокоиться.

Это было невозможно.

* * *

«Порше Каррера 911 Турбо». Чашевидные кресла, РСМ³, все обтянуто красной кожей – рулятки, руль и даже ручник. Пять круглых датчиков на приборной панели – идеально воплощенная неоклассика.

Дорога в аэропорт: он и Стефани.

Все ее семейство отправляется на Маврикий праздновать папашино шестидесятилетие.

Стеффи об этой поездке несколько недель болтала не прекращая.

Филип уже понял, что речь идет о Суперлюксе с большой буквы «С» – даже если бы он предпочел поменьше об этом слышать.

Не какой-то там средний отельчик. «Фор Сизонс», «Анаита Гарден Ройял Резиденс Вилла», полторы тысячи квадратных метров, собственный пейзажный бассейн и тропический сад, отдельная ванная при каждой спальне и панорамный вид на лагуну. Третье место в

³ Porsche Communication Management (PCM) – Информационно-развлекательная система для нового поколения Porsche является центральным органом управления аудиосистемой, навигацией и коммуникацией.

списке элитных апартаментов по версии «Conde Nast». Конечно, все включено, да. И главное – личный мажордом.

Стефани захлопала в ладоши от восторга, когда ее мать позвонила с этой новостью. Шезлонги – на пляж, шампанское – на лед, высылайте педикюршу – Анаита, вот и я!

Абсурд: она две недели мазалась автозагаром, чтобы не выглядеть бледной на своих югах.

Сегодня они ночевали у Стефани, она хотела упаковать последние вещи. Эту квартиру на Коммандорсгатан она получила от родителей четыре месяца назад, на двадцатилетие. Пару раз в неделю они оставались друг у друга на ночь, чаще у него. Но он не мог звать ее часто, это слишком неудобно – по разным причинам.

Таблетки, соломинки, телефонные номера и прочие вещи, которые придется прятать.

– Мне взять этот купальник, или вот этот, или тот? И еще этот от «We Are Handsome» крутой, правда? – спрашивала она у Филипа, который развалился в ее постели и старался подавить беспокойство. Он только что уединился в туалете, чтобы проглотить две таблетки «Золофта», а сейчас вяло просматривал «Безумцев».

Трасса Е4 в это время почти свободна. На часах полвосьмого вечера. Час пик давно прошел.

Дорога под колесами тихо шелестела. Вообще-то, не стоило тут ехать зимой, резина быстро изнашивается. С другой стороны, если у вас самый лучший «Порше» из тех, что не носятся по гоночным трассам, то вам, конечно, хотелось бы ездить на нем в любое время года.

– А я вчера была у Рольфа, – сказала Стефани, которой определенно хотелось перевести беседу на себя любимую.

У нее были светлые волосы с мелированием, она их собирала в гульку на макушке, кроме праздников, вечеринок и семейных посиделок, вот тогда она битый час истязала их феном, чтобы уложить волнами, как у Блейк Лайвли⁴. Четыре-пять раз в неделю она ходила в дорогой фитнес-клуб и подумывала о том, чтобы стать тренером – так она сама говорила.

Его беспокоил ноготь на указательном пальце, он обломился с одной стороны. Его надо подпилить, когда он вернется в город.

– Мы много говорили о Маврикии, мы об этом все последнее время говорили. Он спросил, что я чувствую, ведь уже пора ехать. Может быть, раз в жизни получится поговорить с мамой. Ну, я имею в виду по-настоящему поговорить, понимаешь?

Филип притворился, что сосредоточен на дороге. На самом деле он водил большим пальцем по этому дурацкому ногтю.

– Надеюсь, что получится.

– Знаешь, с тех пор как я переехала, мы очень мало разговариваем. Я звоню, чтобы рассказать об экзаменах или спросить, не хочет ли она посмотреть на новую коллекцию Ральфа Лорена, а она: «Да-да, поговори теперь с папой». Не знаю, что случилось. Папе что, интересно обсуждать моду? Рольф говорит, что мне пора «опериться» и стать самостоятельной. Он считает, мне нужно заняться остеопатией.

Филип свернул к аэропорту.

Он высадил Стеффи у входа, взял тележку и нагрузил ее вещами. К стойкам он не пошел. Ему не хотелось встречаться с ее родителями, и он сбежал под предлогом штрафа за парковку.

⁴ Американская актриса и фотомодел.

Он думал об утреннем проекте. Презентация от компании, выдающей потребительские кредиты, ему предлагали вложиться. Они давали ссуды частным лицам, в основном через смс, без поручительств, краткосрочно. Взять пять тысяч крон на две недели стоило еще тысячу крон, и так далее. В год набегало до пятисот процентов.

Эта контора называлась «Кэш Финанс». Они получали отличную выручку, а клиентская база стабильно увеличивалась. Но для роста им нужен был капитал.

Нужно еще раз посмотреть на баланс и риски кредитных издержек. Возможно, и Яна удастся привлечь, только надо проверить, как обстоят дела с его последним проектом в «Флюксонент».

Ян был чертовски хорошим теоретиком, но не практиком. Он транжирил деньги на ревизоров, адвокатов и прочих консультантов просто потому, что совершенно не занимался практической стороной вопроса. В тех трех сделках, которые Филип заключил вместе с Яном, ему приходилось выполнять роль мамы-наседки. Ян даже не знал, как поменять состав правления для налоговой. Иногда Филип спрашивал себя, до чего Ян может прийти такими темпами.

Он вспомнил вчерашний бранч.

В модный ресторане при отеле «Дипломат» всегда полно деловых людей.

Идеальное место для наблюдения, нетворкинга, завязывания полезных контактов.

Здесь они обычно и встречались.

Стулья массивные, мягкие, скорее даже маленькие кресла. Большие окна с видом на набережную. Дядьки в твидовых пальто и галстуках с маленькими таксами на руках, русские туристы в огромных шубах, и толпами проходящие мимо крашенные блондиночки с дулями на головах.

На столе: трехъярусная этажерка со свежими булочками, взбитым кремом и джемом. Яйца «Бенедикт», блины с икрой ряпушки, бекон и колбаса чорисо. И еще вазочка с чем-то, что напоминало пушистые зеленые мячики для гольфа, а на самом деле было дорогими цветами.

Лолло пристально на его смотрела, пока он отодвигал кресло и садился. Филип надеялся, что его вид не кричал о жестоком похмелье.

– Эй, сегодня не Хэллоуин.

Филип промолчал, только помахал официантке. Это же бранч для парней, традиция. Если кто-то приводит с собой девушку, это всегда портит атмосферу. Хотя Лолло, в общем-то, клевая, он ее знает еще со школы, так что с ее присутствием можно смириться.

Филип потянулся к ней, чтобы чмокнуть в щеку. Она демонстративно отвернулась, избегая его дыхания.

– Ну-ну, я уж, по крайней мере, выгляжу лучше, чем чудище вон там, в углу, – он указал на Яна.

Ян приподнял бокал. Платиновые запонки в форме узлов блеснули в солнечном свете.

– Я тоже рад тебя видеть, Филип. Всегда пожалуйста.

Рядом с Яном сидел Карл Левеншельд, вместе с которым Филип летом ездил в Нью-Йорк. Тогда они намеревались встретиться с несколькими инвесторами, в основном евреями, и двумя парнями с Западного побережья, из Силиконовой долины. Но в основном пили и гуляли: «Ритц» – хороший отель *со всевозможными* услугами.

Заработали они на других делах, уже когда вернулись домой.

Рядом с Карлом был Аксель Нильссон, его родители дружили с родителями Филипа. Кроме того, тут же были еще четыре парня, с которыми он давно знаком.

Филип заказал капучино и коктейль «Мимоза».

Ян допил свою «Кровавую Мэри» и поставил бокал на стол. Два пустых бокала уже стояли перед ним.

– Я сижу с пустыми стаканами уже минут двадцать. Здесь, похоже, не забирают посуду.

– И?

– Знаешь, о чем это говорит?

Филип покачал головой:

– Что здесь экономят на персонале?

– Я считаю, что единственное место, где днем можно выпить со вкусом, это Лондон или Нью-Йорк, а здесь одни тошнiловки.

Через два часа после того, как он высадил Стеффи у аэропорта, он все еще не мог успокоиться. Он пытался посмотреть телевизор. По всем каналам одно и то же – шоу типа «Найди свою любовь». «Найди самого большого идиота» – чем не идея для новой программы?

Он залез в Интернет, проглядел несколько сайтов о потребительских кредитах, конкурентов «Кэш Финанс». Еще немного разобрал разные рабочие дела: расчеты, письма, отчеты. Он все жал и жал на клавиши. Впихнул в себя одну таблетку. И снова: «Золот», верный друг.

Филип открыл холодильник и взял бутылку «Ред Булла».

Надо перестать думать. Так нельзя. Он дергался. Одинокiй. Забытiй. На самом деле всем на него наплевать. Никому он сам по себе не нужен. В голове снова всплыли мрачные воспоминания. Крик. Боль в животе. Крепко зажмуренные глаза.

Филип вытряхнул из баночки еще таблетки и проглотил их, запив последними каплями сладковатого энергетика.

Он походил туда-сюда, посмотрел в окно. Взял мобильник. Отправил Яну эсэмэску: «Не мог бы ты посмотреть на мой проект? Фирма называется «Кэш Финанс». Посмотрел их отчет, нереальная прибыль».

Потом снова вспомнил о проблемах с Яном. Пару недель назад он сказал, что ему придется нанять помощника, чтобы разобраться с налогами в его шведском холдинге. Надо всего лишь вписать в анкету какие-то цифры и отправить на сайт банка, но Яну это было не под силу.

Филип лег в кровать, но сразу встал и опустил жалюзи. Снова лег. Свернулся калачиком. Он ждал, пока антидепрессанты подействуют. Ждал какого-то покоя.

Раздался звонок в дверь.

Странно, обычно ему сначала звонят на мобильный.

Он вылез из-под одеяла. Открыл дверь.

На площадке было темно.

Он заметил несколько человек, но не смог их внимательнее рассмотреть.

Их лица чем-то закрыты. С узкими прорезями для глаз. С крохотными дырками для дыхания.

Человек, стоящий впереди, шагнул к Филипу. Он не успел понять, что случилось.

Ему что-то натянули на голову – тряпку или мешок.

У Филипа перехватило дыхание. Стало темно. Он хотел стащить тряпку с головы.

Кто-то держал его за руки.

Он изворачивался, стараясь вырваться.

Кто-то обхватил его за туловище.

Его повалили на пол.

Они снова его побьют? Это те же люди?

Он почувствовал, как руки притянули одну к другой. Они чем-то обвязали вокруг запястий, стало больно. Он сопротивлялся. Но было уже поздно.

Он не мог больше пошевелить руками.

Он лежал в ожидании ударов и пинков.

– Какого черта вам надо? – взвыл Филип.

Молчание.

Кто-то потянул его за ноги, он ощутил, как их тоже скрутили.

– Чего вы хотите?

Тишина. Тьма навалилась на него. Но ни ударов. Ни пинков.

Он слышал свое учащенное дыхание. В мешке было влажно.

Жесткий диск

Это началось ровно семь недель назад.

Как раз когда Сесилия закрывала шкафчик с теплыми штанами и забытыми носками, зазвонил ее телефон.

– Не знаю, как сказать, но мне кажется, что в вашей квартире пожар.

– Что?

– Пожар, я стою на балконе и смотрю на ваши окна, и из кухни тянется дым. Я позвонил пожарным. Надеюсь, дома никого нет.

Когда она приехала, у дома уже стояли две пожарные машины и красно-желтыми ограждениями перекрыли улицу.

Она крепко обнимала Зайку, пока пожарные с черными лицами вбегали и выбегали из дома. Снаружи над кухонным окном и окном гостиной виднелись следы сажи, а в толпе за ограждениями она узнала некоторых соседей.

Пожарный, который представился бригадиром, подошел к ней и рассказал, как мог, о случившемся. Уже первые его слова затмили все остальное.

Ее муж, Матс, был дома, когда пожар начался. Его нашли без сознания на полу спальни. Может, он упал, а может, пытался проползти по полу ниже дыма. К счастью, его быстро вытащили из квартиры и определили, что он жив. «Скорая» уже увезла его. Больше бригадир ничего не знал. Она не понимала, почему Матс оказался дома среди дня. Обычно он приходил не раньше шести.

Когда языки пламени перестали облизывать стены, все успокоилось, соседи разошлись, а бригадир подошел к Сесилии.

– Он в больнице Худдинге, с ним все будет в порядке. Мне только что оттуда звонила медсестра. Он успел надыхаться дымом и газом, но прогноз благоприятный.

– Я рада. Слава богу.

– Мы все наверху потушили, но утром направим сюда эксперта, который определит причину возгорания. У вас есть идеи?

– Нет, совершенно никаких. Но у нас были проблемы с подключением посудомойки.

– Тогда причина может быть в коротком замыкании или чем-то в этом роде, но, как я уже сказал, разберемся с этим завтра утром.

Она стояла перед бригадиром и рассматривала его. Его оранжевый комбинезон был грязным, щеки прорезали глубокие царапины, волосы, выбившиеся из-под шлема, свалялись. Лицом он кого-то ей напоминал, возможно, Кита Ричардса.

Она хотела что-то спросить, но не могла сообразить, что именно. Как будто что-то требовало внимания, словно не все сказано.

– Можно мне зайти в квартиру? – спросила она наконец.

В прихожей одежда висела на своих местах, обувь стояла на полках, и только чернота на потолке и тонкий слой сажи на комод и зеркале указывали на случившееся. Как будто кто-то прокоптил верх комнаты, но в остальном на мебели только кое-где лежала пыль. Они прошли в кухню. Здесь пахло костром.

– Мы считаем, что пожар начался здесь. Как видите, и огня, и дыма было много. Соседи пострадали от воды, но это уже не ваша забота. Пластик вот тут, на столе, расплавился, вы сами видите...

Странная получилась картина. Раньше стены были белыми, цвета яичной скорлупы, и все дверцы и ящики, техника и разделочный стол того же оттенка «стокгольмский белый». Им нравился минималистичный дизайн, никаких «наворотов», как выражался Матс. Но сейчас – сейчас все было черным или серым. Как на черно-белом фото.

Запах стоял резкий, и сначала она попыталась задержать дыхание, но от этого стало еще хуже. Пахло кострищем вперемежку со жженой жвачкой.

– Вам, пожалуй, стоит надеть вот это, – сказал пожарный и протянул ей респиратор.

Пару минут они молча смотрели на это опустошение. Потолок облупился и стал угольно-черного цвета, полки над посудомойкой полностью сгорели, а фарфор рухнул вниз и разбился вдребезги. На полу образовались грязные потеки от огнетушителя, воды и сажи.

– Хотите посмотреть и другие комнаты?

Да, она хотела. Бригадир проводил ее в спальню.

Значит, здесь на полу нашли Матса. Она все еще не понимала, что он делал дома в это время.

Заглянув в комнату, она увидела, что спальня меньше пострадала, пожар здесь не бушевал, но потолок и верхняя часть стен потемнели. Она сняла маску.

Пожарный показал на дверь и объяснил:

– Здесь было много дыма, потому что двери в детскую, гостиную и в коридор были закрыты. Так что дым мог проникнуть только сюда.

Она сделала несколько шагов в глубь комнаты. Пожарный остался в прихожей, разговаривал с кем-то по рации.

Она сразу поняла, что что-то здесь неправильно, не так, как обычно.

Покрывало было в саже и казалось из-за этого темно-синим вместо розового. Дверцы шкафов закрыты, можно надеяться, что с одеждой там внутри ничего не случилось. Или слишком наивно так думать? На тумбочке с ее стороны даже лежала книга Арне Даля, которую она читала вечером, с закладкой там, где она закончила.

Она поняла, что было не так. На столе у окна стоял открытый ноутбук. У Матса был стационарный компьютер на работе, это она точно знала. А этот ноут она раньше никогда не видела.

Она подошла к столу и провела по ноутбуку пальцами. Может быть, это кого-то из пожарных?

Нет, клавиатуру покрывала сажа, как тонкий слой серого снега. Он был здесь, когда загорелась кухня.

Матовый металл был шероховатым и холодным. Экран темный.

У нее появилось странное ощущение.

Она оглянулась, пожарника не было видно, его голос раздавался из прихожей.

Она нажала на «пробел», и на экране появилось изображение.

Ничего более дикого она никогда не видела.

15 февраля

Утром Линда волновалась, готовя свой обычный эспрессо, что, как и всегда, было заметно по ее движениям. Она рывком открыла кухонный шкаф, разорвала боковину картонной коробки с кофе и с громким хлопком вбила капсулу в кофеварку.

Никола не ночевал дома. Только отправил эсэмэску около восьми вечера, сообщив, что останется у друга.

Не самая подходящая обстановка, чтобы рассказывать о недавнем разговоре с Могге Викингом, несмотря на то, что Тедди только о нем и думал.

С Деяном он тоже не хотел это обсуждать. Тот, конечно, мог бы и помочь, но всему есть своя цена. И эту цену Тедди платить не хотел.

– Я тебя не обвиняю, Тедди. Он уже давно так себя ведет, – сказала Линда.

– Хочешь, я с ним поговорю?

Она продолжала жевать булочку, думая о чем-то другом. Потом ответила:

– Если уж он меня не слушает, то и тебя не будет.

– А когда это началось?

– Не помню. Это что, вопрос?

Она допила последний глоток кофе и со стуком поставила чашку на стол.

После завтрака он немного прогулялся в ботинках Николы. Его старый костюм из Линдиной корзины не подходил для прогулки при нулевой температуре, так что он взял флисовку и ветровку у того же Николы. После обеда он собирался зайти к отцу.

На спортплощадке у школы ему встретился старик, выгуливавший собаку, и пара бегунов, не испугавшихся холода. Он не был здесь больше десяти лет. Седертелье, пригород Стокгольма, место, где он вырос. На этой площадке он сыграл столько футбольных матчей, что они все слились в одну бесконечную серию ударов. Единственное ясное воспоминание: Деян посреди одной игры в четвертой лиге головой таранит парня из другой команды.

Теперь тут еще одно поле. Тедди соскреб ногой немного снега, под ним оказался искусственный газон.

Никто из старых корешей здесь больше не живет. Семья Деяна переехала в девяносто пятом, Алекс немного позже. Интересно, как Николе здесь живется. Линда рассказывала, он бегло говорит на ассирийском⁵.

Улица Хэгерстенсвэген – новый адрес Бояна. Тедди здесь раньше не бывал, хотя отец переехал с год назад. Отец его никогда прямо не приглашал, так что за время коротких тюремных отпусков Тедди ни разу не зашел.

Боян вообразил, что Седертелье уже не подходит для жизни. Хотя он и прожил здесь всю свою взрослую жизнь, да и его дочь и внук и до сих пор здесь жили.

– *Jebiga*. Я швед, – говорил он. – Если шведы уезжают из Сетелье, то я тоже так сделаю.

В этом крылась ирония, только коренные жители произносили «Седертелье» так, как Боян.

Над щелью для писем отец прикрепил табличку «Пожалуйста, не нужно *никакой* рекламы». Тедди не мог сдерживать улыбку. Все пишут просто «не нужно рекламы». Но ведь отец всегда выражался предельно ясно. Если уж он не хотел рекламы, то не хотел совсем никакой.

Боян был одет в домашние штаны и синюю рубашку навыпуск. На ногах – носки без пятки и тапочки.

⁵ В Седертелье проживает крупная ассирийская диаспора – одна из самых больших в Европе.

– Найдан, как дела?

Он наклонился и подтянул сползший носок.

– Холодно на улице?

– Не очень. Ты сегодня не выходил?

– Не хочу идти на улицу без нужды. В это время года дома обычно градусов пять-шесть. Тедди снял мокрую куртку.

– Во-первых, сегодня плюс один, так что не так все страшно. Во-вторых, что ты имеешь в виду, когда говоришь «дома»?

– Белград, конечно.

– Ты здесь живешь уже почти сорок лет.

– Да, но дом-то остается домом.

– А разве не ты говорил, что уехал из Седертелье, потому что швед?

Боян улыбнулся.

– Ты это о чем? Конечно, я швед, но мой дом – в Белграде.

Они прошли в кухню.

Боян прихрамывал. И это отец, который всегда был как скала. Он пятилетнего Тедди научил держать спину ровно, голову высоко и никогда никому не уступать, а сейчас шаркал, как старый дед.

Тедди сел за стол, а Боян подошел к плите, чтобы приготовить свой кофе по-турецки.

– Сахару побольше или поменьше?

– Как хочешь, папа.

Налив в турку холодной воды и насыпав сахар, Боян поставил ее на плиту. Насколько Тедди помнил, отец всегда варил кофе одним способом и в той же традиционной посуде с высокими стенками, маленьким носиком и длинной ручкой. Интересно, пила ли мама кофе из этой же турки?

– И что ты сейчас делаешь, сынок?

– Еще месяца не прошло, как я вышел.

Боян слил немного сладкой кипящей воды в чашку и, насыпав в джезvu кофе, осторожно помешивал, пока вода снова не закипела. Похоже, ему не хотелось вспоминать, что он впервые за восемь лет позвал Тедди к себе. У Тедди тоже не было никакого желания это мусолить.

– Я помню, когда ты был маленьким, – начал Боян, – ты сидел на высоком стуле за кассой в нашем ресторане и приветствовал гостей. Ты любого мог очаровать, мальчик мой. Может, тебе стоит этим и сейчас заняться?

Тедди вспомнил историю большого отцовского путешествия. Боян приехал в Швецию в конце семидесятых, двадцати семи лет от роду. Он окончил технический институт в Белграде и успел несколько лет поработать в мастерской в Нови-Саде. Когда все его друзья уехали на заработки на шведские заводы, Боян тоже решил попытать счастья. Он был в последней волне рабочих мигрантов, отправившихся в эту холодную сытую страну. Потом Швеция перестала принимать людей «его калибра», как он любил говорить.

Боян устроился работать на автозаводе «Скания-Вабис» в Седертелье, собирал моторы для стокогoльских автобусов. Через несколько лет он встретил маму, которая работала в бухгалтерии. Она приехала с севера, из Сундсвалля. Через год родилась Линда. Еще через полтора – Тедди. Дарко был младшим.

Но времена пришли трудные, в середине восьмидесятых «Скания» стала сокращать персонал. Многие знакомые поняли, что гораздо выгоднее открыть пиццерию или ресторан, чем потеть на фабриках. Боян пошел на работу к старому другу, они держали кафе в рабочем пригороде Сольна. Каждый день поездка на работу и обратно отнимала у него четыре часа, но он никогда даже не думал переехать из Седертелье. Тогда-то его все устраивало.

Боян легонько помешивал в турке. Когда кофе закипел, он снял его с плиты и снова добавил сахарную воду, которую слил в начале. Он накрыл джезvu блюдцем и дал кофе отстояться.

– Вставай, выпьем в гостиной.

Старая традиция: кофе нужно пить в гостиной и разливать тоже там же, перед гостями.

Боян снова наклонился, чтобы подтянуть носок, прежде чем уселся в кресло. Тедди сел на кожаный диван напротив.

– Папа, ты знаешь, чем я занимался?

– Слушай, сынок, я был занят своими делами, ты – своими. Не всегда все так просто, знаешь ли. Мне нужно было заботиться о тебе, Линде и Дарко; ты хоть понимаешь, что значит остаться одному с тремя детьми? Еще я вкалывал в ресторане каждый божий день, чтобы потом, после всех этих лет, эти ублюдочные *pički* из налоговой нас закрыли.

– Я очень ценю то, что ты сделал для нас, ты сам знаешь. Но ты понимал, чем я на самом деле занимался?

Тедди сам не знал, зачем он поднял эту тему. Они раньше никогда об этом не говорили, но сейчас он не смог сдержаться. Боян отпил кофе.

– Теперь нет смысла об этом говорить. Я просто рад, что мы встретились. Помнишь, что двадцатого годовщина маминой смерти?

– Конечно.

Тедди откинулся на спинку дивана и осмотрелся. Эта квартира была похожа на старую в Седертелье, на одной из стен висели две сабли, которые, как отец утверждал, сохранились со времен битвы за Нови-Пазар в тысяча девятьсот двенадцатом. На другой стене – картина из маминого родительского дома.

– Я хочу, чтобы ты пришел сюда и зажег свечу в ее честь.

Они сидели и потягивали кофе. Боян рассказывал о том, как все хорошо сложилось у Линды и Дарко, потом немного поведал о своих делах, которые, похоже, совсем не ладились.

Тедди поднялся.

– Папа, мне пора. Спасибо за кофе. Скоро увидимся.

– Мальчик мой, не хочешь переехать сюда?

– Посмотрим, пока я живу у Линды.

– А что с этой Сарой?

Тедди наклонился завязать шнурки; не стоит отцу лезть в это дело с Сарой.

– Ты пытался ей позвонить? – спросил Боян.

– Пока нет.

– Попробуй. Всем нужна женщина рядом, особенно в твоем возрасте.

Тедди открыл дверь и вышел на улицу.

16 февраля

За сорок восемь часов нужно просмотреть и разобрать шестнадцать папок. Еще Эмили должна составить доклад о возможных инвестиционных рисках, которые она обнаружила среди этих двух с половиной тысяч страниц. Это называется дью-дилидженс, должностная добросовестность, но правильнее было бы сказать – проверка компании. Классическое задание для того, кто здесь работает уже почти три года.

Ходили слухи о конторах, которые пошли ко дну, потому что их юристы пропустили параграфы о переходе контроля, то есть те пункты, в которых говорилось, что контракт недействителен, если меняется владелец. Самая неприятная история, о которой Эмили слышала, произошла пару лет назад, когда переходила к новому владельцу крупнейшая в стране сеть по продаже мобильных. В адвокатском бюро «Вернер Ханссон и Партнеры» упустили этот момент с проверкой в договоре с одним из поставщиков, что, в общем-то, могло и не составить большой проблемы, если бы этим самым поставщиком не была маленькая фирмочка под названием «Самсунг». Покупатель лишился права продавать эти телефоны. Что тут сказать? Сорри, наш юрист прохлопал этот пункт в договоре, нам очень жаль. К сожалению, сеть сразу стала на полмиллиарда дешевле. Большое спасибо, «Вернер Ханссон и Партнеры».

Эмили сняла копию с оглавления и теперь методично отмечала галочками просмотренные разделы.

Юсефин сидела за своим столом. Она только что вернулась из Лондона, где вместе с одним из партнеров проводила переговоры для крупного шведского промышленника. Юссан болтала об этой командировке по меньшей мере целую неделю, но когда в Лондоне дело дошло до работы, ей так и не удалось покинуть свой номер или переговорные больше чем на пару часов. Да и то только чтобы сесть в такси и поехать в «Хитроу».

– А я-то хотела купить себе новую сумку и тебе, кстати, тоже.

– Мне?

– Ну да, я решила, что тебе нужно приодеться. Есть вещи покруче, чем «Донна Каран». Что скажешь об «Александр Ванг» или «Селин»?

Эмили считала сумки досадной необходимостью. Но ее задело это замечание.

– Хочешь, я расскажу о Лондоне? – с иронией спросила Юссан.

– Пожалуйста, – ответила Эмили. На Юсефин невозможно было долго обижаться.

– Кэбы не везут из аэропорта меньше чем за тридцать фунтов, питаются там только бутербродами, и подушки в отелях ужасно жесткие. Увы, это все, что я узнала.

Во время рассказа Юсефин выдавила из тюбика крем и намазывала им руки. Переговоры с британцами по телефону потерпели крах три часа назад, и клиент отдал распоряжение остановить работу. Но она пока осталась в офисе.

– Я становлюсь, как остальные: контора для меня уже больше дом, чем моя квартира. Так что обращайся, если тебе нужна помощь. Я так много занималась этим «ДД», что подумываю поменять фамилию с Дальгрэн на Дьюгрэн. Как тебе?

– Тебе бы пошло. Вполне по-лондонски.

– Слушай, я же говорю, что отлично в этом разбираюсь. На самом-то деле есть только три рискованные области – настоящие юридические бомбы, которые тебе нужно обнаружить до того, как они настигнут клиента. Это экология, ответственность за качество и налоги. Все остальное в основном просто бла-бла, запомни. Но мы же не против того, чтобы раздуть работу, нам ведь нужно набрать часы, да?

Эмили рассмеялась. Она собиралась внимательно проверить каждый договор и документ, что бы там Юссан ни говорила.

Зазвонил мобильный. Эмили подняла трубку и услышала голос одного из секретарей:

– Вы могли бы зайти к Магнусу?

– Конечно, когда?

– Чем быстрее, тем лучше.

Эмили положила трубку и покачала головой.

Юссан сказала:

– Может быть, возьмешь работу на выходные, когда ты разберешься с «ДД»? Все еще пытаешься встречаться с тем парнем?

– Да, с Феликсом.

– Скажи ему, что вы сможете встретиться недельки через три.

...Что особенно Эмили нравилось в «Лейонс» – это почти всегда открытые двери, за исключением важных встреч. Даже при высоком темпе работы, фанатичном обслуживании клиентов и высочайшем профессионализме сотрудников здесь можно было запросто зайти и спросить, если вдруг требовалась помощь.

Магнус стоял у окна. Он сразу попросил ее закрыть за собой дверь.

Она вспомнила разговор несколько недель назад. Они ее прессовали. Когда она вышла из кабинета, ей хотелось только поехать домой, залезть под одеяло и посмотреть какой-нибудь сериал. Но вместо этого она позвонила Юссан, и та уверила, что все не так страшно: «Просто соберись и не показывай им, что ты расстроилась. Выпьем по «Беллини» вечером?»

На стенах кабинета висели картины, на низких полках стояли более или менее непонятные скульптуры. Магнусу очень нравилось современное искусство, «contemporary art», как он любил говорить. Эмили знала, что большинство этих работ принадлежало известным шведским художникам. Карин Мамма Андерссон, Рагна Берлин и прочие странные имена. Эмили, Юссан и другие ассистенты несколько раз их гуглили.

Но не все работы здесь были шведскими.

В центре, окруженная, как рамой, другими объектами, висела очень простая картина. Группы точек разных цветов образовывали кругообразные узоры на белом фоне. Кто угодно может нарисовать такое, подумала она, впервые увидев. Художник Дэмиен Херст, должно быть, тоже это понимал, потому как нарисовал он это не сам, а нанял целую армию ассистентов, которые писали для него такие круговые картины.

Магнус повернулся к ней. Он был, как всегда, тщательно одет, но весь его стиль выглядел немного «слишком». Темно-серый костюм, ничего особенного, но галстук был ярко-желтым, а платок в нагрудном кармане – розовым. Кроме того, зачесанные назад волосы блестели от воска или чего-то подобного, и вот это уже проблема. Конечно, и в его возрасте не возбранялось пользоваться укладочными средствами, но, бог мой, не так, чтобы волосы блестели от бриолина, как у подростка!..

– Садитесь.

Сам Магнус уселся в свое специально выписанное кресло, больше походившее на паука, чем на предмет, на котором можно сидеть. Он больше ни разу не вспомнил о той консультационной беседе, хотя они уже провели несколько рабочих встреч.

– У вас много работы?

Она догадывалась, в чем дело. Маленькая просьба помочь с новым контрактом или встречей – и вся работа по «ДД» пойдет прахом. А ведь она ненавидела отказывать.

– У меня сейчас довольно много дел, работаю с дью-дилидженс для «Проджект Рэй Сигнал», все должно быть готово послезавтра, – объяснила она, добавив: – Вам требуется помощь с чем-то еще?

Магнус наклонился к ней через стол и понизил голос, хотя дверь была закрыта. То, что он собирался сказать, определенно требовало приватности.

– Это особое поручение. Я могу гарантировать, что вы ни разу ничего подобного не делали. Я и сам никогда ничем таким не занимался.

Иногда Магнус был очень вкрадчивым, этого у него не отнять.

В противовес внешнему виду манера разговора у него была мягкой и ровной. Все же Эмили напрягалась. Она точно не знала почему: он был суперуспешным юристом, к тому же казался приятным человеком и никогда не отказывал ей в совете. И все равно что-то ей не нравилось. Возможно, что дело в том, что Магнус и сам с собой-то не расслаблялся.

– Дело вот в чем. Я только что говорил с одним добрым другом. Его зовут Карл-Юхан Шале. Кое-что случилось, и если все именно так, как они предполагают, то речь идет об ужасной семейной драме, и им нужна наша помощь. Я подумал, что мы с вами могли бы заняться этим делом вместе, может быть, нам понадобится еще кто-то.

– Конечно. Речь не о семейном праве?

– Судя по тому, что мне известно, нет.

– Дело о наследстве или опекунов?

– Нет, ничего подобного.

– Уголовное дело?

– Это нечто особенное. Я хочу, чтобы вы сразу это уяснили. И речь идет о моих близких друзьях. Иначе я бы никогда не взялся за это.

– Понятно.

Эмили поняла, что это новое дело будет в приоритете, но все равно не представляла, как она все успеет.

– Прежде чем я расскажу, о чем речь, я бы хотел, чтобы вы поняли: это информация конфиденциальная, даже внутри фирмы. То есть ее нельзя обсуждать с другими партнерами, не думайте даже пикнуть что-то об этом Юсефин. Разглашение запрещено.

Закрытая дверь, тихий голос, приоритетное дело.

А теперь и запрет на разглашение.

Магнус перешел к сути.

Эмили снова посмотрела на картину с точками. На мгновение ей показалось, что круги медленно вращаются за спиной у Магнуса. Огромный разноцветный нимб.

Растерянный ангел, спустившийся прямо в штаб-квартиру неверия.

* * *

Выйдя из электрички, Тедди медленно побрел по туннелю к метро. У него было полно времени, визит в службу занятости – единственное на сегодня занятие. Он немного постоял, изучая копошащуюся толпу, которая двигалась к эскалаторам. Сможет он спуститься? За восемь лет на зоне Тедди встречал максимум пятнадцать человек одновременно, и то обычно сидящими в общей комнате или столовой за решеткой и высокой стеной.

Сегодня нужно ей позвонить, пора.

Сара.

Он вздрогнул. Из кармана послышался писк.

– *Это полиция, ложитесь на землю.*

Тедди достал телефон. Никола поставил на звонок крики полицейских. Надо поскорее его поменять.

– Доброго утречка.

Могге Викинг.

– Доброго. Я думал, что ясно выразился, когда ты звонил...

С этими парнями надо переходить к делу без всяких предисловий.

– Я передал Хильстрему, что ты думаешь, что это его проблемы, а не твои. Заешь, что он ответил?

– Нет.

– Что раз так, то тут проценты набежали, теперь ты должен триста тысяч.

– У меня их нет.

– Есть, есть, могу заверить, что есть.

Небрежность в тоне Моргана исчезла, теперь его голос звучал угрожающе.

– Заплати за неделю.

И он бросил трубку.

...Дома, стоявшие на скале над площадью Лильехольмсторьет, скрылись в тумане, опустившемся на улицы в этот пасмурный день. Получался плавный переход, когда земля почти незаметно превращается в небо. Может, облака спустились низко над городом, и Стокгольм стал частью иного мира.

Он держал телефон в одной руке, а клочок бумаги с номером – в другой. С номером Сары, который ему дали в справочной службе. Он медленно набрал номер и нажал на зеленую кнопку.

Пошли гудки. Раз, два, три.

Четыре, пять, шесть.

Включился автоответчик. Это был ее голос. Тедди не слышал его много лет, но он звучал точно так же, как когда они говорили в последний раз. Такой же чистый и мягкий.

– Привет! Вы позвонили Саре, это автоответчик. Оставьте сообщение после гудка, и я перезвоню вам, как только смогу.

Гудки.

Иза, администратор или менеджер по трудоустройству, как наверняка официально называлась ее должность, сидела за столом из светлого дерева. Эта комната походила на ту, где они виделись в прошлый раз. На полу линолеум, текстурные обои на стенах, пластиковые стулья. Все, кроме стола, напоминало о тюрьме, в том числе и Иза. Кабинет был обезличенный, это не ее комната, а клетка для встреч, место, где нет даже окна для связи с миром. Иза стучала по клавишам.

– Я посмотрела на ваш план, и мне он понравился. Биография тоже готова, вам помогли ее написать?

– Немного.

– Да, иногда в таких вещах требуется помощь.

Тедди ждал, что она скажет дальше, и старался казаться миролюбивым.

– Вы пробовались на те места, о которых мы говорили?

Он внимательно посмотрел на нее. Ей около сорока, а одевается в какую-то смесь из шмоток хиппи и костюма респектабельной дамы. Сегодня она закуталась в красно-бирюзовый шарф, а в ушах были аккуратные жемчужные серьги. В прошлый раз она напялила что-то вроде лилового кафтана, а на палец – золотое колечко с маленьким бриллиантом.

– Конечно, я звонил туда, где требовались строители и рабочие, семь раз, но все семь мне отказали.

– Мне очень жаль. Но в той же категории есть и другие варианты. Сейчас требуется персонал, чтобы убирать снег и скалывать лед с крыш.

– Мне тридцать три. Это неквалифицированная работа. Но я могу плотничать и разбираюсь в ресторанных делах.

Он слышал, как тихо свистел кондиционер.

Иза заглянула в свои бумаги.

– Да, но знаете ли, такие места непросто получить. Как вы посмотрите на социальную работу – в доме престарелых или в больнице?

С ней все нормально, она всего лишь занималась своей работой, хотя и болтала слишком много. Просто Тедди не понимал, что он здесь делает.

У него нет опыта работы, и в трудовом стаже пропуск в *восемь* лет. За пару дней ему нужно достать триста тысяч для психованного сигаретного барона. То, что он назвал бы работой раньше, тянуло по меньшей мере на четыре года на нарах.

– Я постараюсь искать активнее, но не очень-то вдохновляет, когда они даже не отвечают.

Они немного поговорили о том, как нужно представляться, и обсудили возможные вакансии.

– Все будет хорошо, – сказала Иза наконец. – Как говорят, Рим не сразу строился. Так? Тедди молчал.

– Продолжайте в том же духе. Часто мои клиенты находят работу только через полгода. Это нормально. Не переживайте. Такая сейчас ситуация.

Иза отодвинула стул и встала. На мониторе была видна картинка скринсейвера: бело-снежный пляж с пальмами. Может, стоит послушать Деяна, он все талдычил о том, что хочет поехать в Таиланд и торговать там домами.

Они пожали друг другу руки.

Тедди открыл дверь.

Как он только мог думать, что все будет просто?

Хильстром хотел получить свой должок за семь дней.

Полгода.

Пропущенный вызов на телефоне. Ему не хотелось еще больше неприятных сюрпризов, так что он позвонил в справочную и узнал, кому принадлежит номер. Приемная адвокатского бюро, о котором он никогда не слышал. «Лейонс».

* * *

В Тумбе было темно – хоть глаз выколи, хотя еще только двадцать минут пятого. В это время года идешь на работу, пока солнце еще не встало, а когда в полпятого забираешь ребенка из сада, уже снова темно. Можно попытаться увидеть солнце во время обеда, если оно соизволит показаться на затянутом снежными облаками небе.

Деян радовался, что ему не нужно торчать в офисе по восемь часов. Он считал себя человеком солнца. К тому же он никогда и не вставал раньше десяти, а в это время всегда светло, зима ли за окном или лето.

Он нажал на кнопку звонка. За спиной у него стоял Томас.

Из дома послышалась веселая трель, а затем звук приближающихся шагов.

Полный мужчина с жирными волосами и щетиной на лице открыл им дверь. Его звали Роджо, но Деян предпочитал звать его прозвищем, которое сам придумал: Брюхан.

– Какого черта вы тут делаете? – Глаза Брюхана широко раскрылись, хотя Деян считал, что это едва ли можно заметить, потому что они глубоко утонули в жире. Некоторые люди, которые выглядят, как свиньи, действительно свиньи и есть.

– Ты знаешь, – сказал он и просунул ногу в дверную щель.

Прихожая была темная и захлавленная, под подошвами скрипел песок. Здесь, кажется, не снимали обувь без необходимости, так что вряд ли кого расстроит немного мокрого снега, который он принес на ботинках.

Брюхан остановился в прихожей. Но Деян пока осматривался. Направо была кухня.

Его раздражало: у него были посерьезнее дела, а такая мелочевка к нему обычно не попадала.

– Можешь кофе сварить?

Тяжело пыхтя, Брюхан скрылся в кухне. Все шкафы и столешницы там были выкрашены под дерево, пол, панели на стенах и даже дверцы холодильника были под сосну. Стол и стулья деревянные.

Брюхан открыл банку и высыпал растворимый кофе в заварочный чайник.

– Бутер будет нелишним, в желудке волки воют.

Это было чистой правдой: ему срочно нужно что-то проглотить. Он хорошо знал свое тело: если он в ближайшие пятнадцать минут не поест, сахар упадет. Плохая концентрация, головная боль, в худшем случае обморок и судороги. Это с ним случалось раз десять, но последний приступ – лет десять назад.

Брюхан рылся в кладовке. Судя по этикеткам, продуктам было много лет. Наконец он выловил два хрустящих хлебца.

– Зачем? Чего вы вообще хотите?

Брюхан плюхнулся на стул.

– Будь добр, положи руки на стол.

– Какого хера? Что за крайности? Скажите, чего вам нужно-то.

Томас встал за его спиной. Наклонился и прошипел:

– Просто делай, как Деян говорит. Ничего не случится.

Брюхан медленно положил одну руку на стол. На предплечье были вытатуированы два числа. Наверное, даты рождения его отпрысков.

Деян вытащил дубинку, которую держал в кармане куртки, и изо всей силы ударил по этой руке.

Брюхан взвыл.

– Ах ты ублюдок! – крикнул Деян.

Брюхан попытался убрать руку, но Деян держал ее стальной хваткой. Брюхан вырывался все сильнее. Наконец Деян отпустил. Брюхана отбросило к спинке стула, и он полетел на пол.

Деян сразу же успокоился. Или именно это ему и было нужно, или сахар начал стабилизироваться.

– Эй ты, мне нужно отлить. Поболтаешь с ним, Томас?

Из туалета он слышал, как Брюхан жалобно поскуливал. Ничего, он это заслужил. Свою первую жену он избил у входа в ресторан в Худдинге так, что три ребра были сломаны. Сказали, что она на льду поскользнулась, но Роджо-Брюхан получил шесть месяцев за побои. Вторую жену, импортрованную из Таиланда, он щипал плоскогубцами, так что у той полтела посинело, в том числе и между ног. Заявили, что она сама так покалечилась, чтобы его посадить. Баба забрала заявку и уехала из страны, когда кто-то прислал ей фото трехлетнего сына.

Такие рукоприкладчики – падаль.

Кроме того, он уже больше года должен *Куму* кучу баблонов. Долг за беговую лошадь, купленную у *Дона*.

Деян постарался забрызгать мочой сиденье унитаза и часть пола.

Потом вымыл руки и вышел.

Брюхан сидел у стены. Рука, по которой Деян его ударил, побагровела, из носа текла кровь.

– Не бейте меня больше.

Деян наклонился и схватил его за сальные волосы.

– Твой долг вырос.

– Я отдам все, что у меня есть.

– Хорошо, – сказал Деян и отпустил его. – Надень ботинки.

Брюхан натянул куртку и обулся. Из носа капала кровь, как из плохо закрученного крана.

– Давай зажми рубильник, а то закапаешь мне обувку. И неплохо было бы пропылесосить тут. Под ногами скрипит, как в какой-то гребаной песочнице.

На обратном пути Деяну стало едва ли не стыдно. Не надо заниматься такими вещами, когда не контролируешь уровень сахара в крови. Это все портит, да и многие дела могут провалиться.

Он вспомнил, каким Тедди был в прежние времена. В тот вечер какой-то парень крутил с девицей, за которой он наблюдал весь вечер. Они с Тедди были в клубе «Карма» на Стуреплан и выпили несколько шотов, и еще занюхали по дорожке в туалете. Тедди подошел прямо к тому придурку и спросил, хочет тот разобраться у бара или выйти. Парень посмотрел на него, не понимая, что за дела, но от этого Тедди только больше взбесился. Он повернулся к Деяну, Деян хорошо помнил этот свирепый взгляд.

– Этот кретин, кажется, по-шведски не понимает.

И врезал парню справа. Тот упал навзничь. Тедди начал пинать его ногами: один, два, три мощных пинка. Парень пытался закрыть голову руками. Четыре, пять, шесть ударов в грудь и голову. Тедди все колотил его. Деян кричал, что теперь уже хватит, но это не помогало. Тедди как с цепи сорвался. Наконец Деяну с большим трудом удалось его оттащить, а потом увести оттуда.

Нужно позвонить Тедди и узнать, как у него дела. Он достал телефон и набрал нужный номер.

– Здорово, это я.

– Чем занят? – Тедди говорил отрывисто. Это было еще неприятней, чем чувство стыда из-за того, что он переборщил с Брюханом.

Деян попытался говорить настолько радостно, насколько только мог:

– Мы с Томасом поехали и взяли мне «Ауди С7».

– Отлично.

– Йес. Так что я теперь не вожу «гопарскую тачку». Доволен?

Деян посмотрел на Томаса на пассажирском сиденье. Его лысая макушка блестела, а над губой, кажется, выступил пот. Не то чтобы с ним что-то было не так, хоть он и тугодум. Но Деян не мог избавиться от мысли, что Тедди с его мозгами разрулил бы проблему с Брюханом в сто раз красивее.

– Слушай, я тут поболтал с Иваном, который вчера говорил с Кумом. Жаль, но ничего нет.

– Херово.

– Ну, теперь я тебе это передал. Ты все еще уверен, что не хочешь вернуться к старым делам? Мне реально нужна помощь.

– Уверен.

Деян перевел дыхание, Тедди теперь уже не тот, что прежде. Он стал спокойнее, и это неплохо, но в то же время казалось, что у него появились какие-то другие мысли. Уверенность в голосе.

- Ты там? Тебя не слышно.
- Извини. Просто со службой занятости обломалось.
- Вот подстава.
- Они меня футболеят туда-сюда. Говорят, что поиск работы может занять полгода.
- Да им на тебя насрать. Разве нет?
- Деян...

Они помолчали. Деян понажимал на кнопки климат-контроля, погладил рукой кожу на приборной панели. Шикарная машина, С-класс и все такое.

Тедди заговорил:

– Но у меня только что был другой странный разговор. Юрист по имени Эмили из адвокатской конторы, которая хочет мне помочь с долгами. Я сказал, что у меня денег нет.

– Нужно сходить к ним.

– Это точно слишком дорого.

– Тедди, ты мой друган. Я могу тебе помочь заплатить, если ты думаешь, что дело хорошее.

– И откуда же будут эти деньги?

Деян глубоко вздохнул.

* * *

Он лежал не шевелясь. Колени подтянуты к груди. Руки чем-то стянуты за спиной, лодыжки связаны кабельной стяжкой. Боль пульсировала в руках и ногах; когда он двигался, они ныли. И руки затекали, если не менять положение время от времени. Рот ему заклеили липкой лентой, и она больно стягивала щеку.

Голова побаливала. Ему нужны его таблетки. Шишка на затылке распухла.

Филип точно не знал, но думал, что пролежал здесь около четырех суток.

Жесткий плиточный пол. Непроглядная темень, гораздо темнее, чем, как он думал, бывает в закрытой комнате. И он почти сразу погадался, что это ванная. Что-то такое с запахом, с гулким звуком, что было ему знакомо. Он попытался ощупать предметы вокруг. Унитаз, раковина, сушилка – никаких сомнений не оставалось.

Вспышки в голове. Все казалось таким нереальным. Они повалили его на пол в прихожей у него дома. Темнота в мешке и голове пугала его. Они сработали быстро и профессионально. Бесшумно. Не проронив ни единого слова.

Он не понимал, как такое могло с ним произойти.

Дверь открылась через какой-нибудь час после нападения. Сначала он ничего не видел. Свет бил в глаза.

Прошло несколько секунд – и он увидел человека, который проскользнул внутрь. В дверь бил не солнечный свет, скорее свет от двух ламп. Похоже, их специально направляли ему в лицо. Темные штаны, черная кофта, бейсболка на голове. Человек наклонился. Эту картину Филип никогда не забудет. Нижняя половина лица растянута в такой широкой ухмылке, что в эту пасть можно засунуть пару кулаков. Огромные зубы с едва прикрытыми корнями и красные губы. Улыбка, которая больше напоминала рисованного джокера, чем живое существо. Но это была не улыбка живого человека. Что-то вроде шарфа или платка с рисунком, чтобы скрыть нижнюю часть лица. Это выглядело так мерзко, что Филип почувствовал, как желудок сжался.

Человек поставил на пол пакет и приказал ему пить. В пакете была пластмассовая бутылка с парой глотков воды на дне.

Интересно, что это такое на самом-то деле. Возможно, будет не так уж и плохо, если его накачают наркотой.

Джокер отодрал липкую ленту от его рта.

– Пожалуйста, скажите, что вам нужно, я это сделаю, – взмолился Филип и попытался сесть.

Человек протянул ему бутылку. Филип выпил все большими глотками.

– Пожалуйста, я заплачу, я не пойду в полицию. Обещаю.

– Заткнись! – Голос был, кажется, мужским, но Филип до конца не был уверен.

– Пожалуйста, прошу вас. Выпустите меня отсюда, я вам отплачу.

– Заткнись. Нам нужны твои коды для банка.

– Пожалуйста...

– Код давай и завали!.. Ты меня не понял?! – Тон голоса изменился.

Филип опустил голову и замолчал. Он даже не мог разглядеть, блондин или брюнет этот человек, который над ним склонился. Бейсболка скрывала волосы, а бывший в глаза свет не позволял рассмотреть детали.

Джокер наклонился ближе к Филипу и толкнул его на пол. Он упал навзничь.

Джокер навалился сверху. Казалось, что руки сейчас отвалятся. Филип чувствовал его тяжесть. Видел его блестящие глаза.

Потом он увидел, как Джокер поднес что-то к его лицу.

Кухонный нож с желтой ручкой.

– Тихо, я только хочу тебя научить молчать.

Боль в щеке была острой, и он вскрикнул. Но Джокер прижал руку к его рту и снова залепил его липкой лентой.

– Еще звук – и в другой раз я режу на пятнадцать сантиметров ниже.

Филип медленно сел. Он прижался щекой к плечу. Кровь капала на пол.

Он заплакал.

Его чуть не вырвало.

Он подумывал о том, чтобы избавиться от стяжек на руках и ногах. Можно использовать крючок для полотенец или что-то еще. Но что, если они увидят? Они уже показали, на что способны.

Время от времени он прислушивался. Иногда доносилось что-то похожее на радио или музыку на мобильном. Кто заметит, что его нет? Больше всего он общался со Стеффи, но она уехала. Конечно, она поначалу удивится: почему он не отвечает на звонки, но она не станет звонить в полицию только потому, что он не брал трубку несколько дней. А остальные? Может быть, Ян, они часто встречались на работе. Но они уже давно договорились о свободном графике, да и занимались в основном собственными проектами. Ян тоже не будет беспокоиться, если Филип не появится в офисе на этой неделе.

Он снова вспомнил первые сутки после похищения.

Через несколько часов после того, как его порезали, Джокер вернулся. Филип услышал, как щелкнул замок в двери.

Тот же слепящий свет.

Он отполз назад.

Человек с шарфом подтащил в дверной проем стул.

Филип заметил позади него еще одного человека, в балаклаве.

Джокер отодрал ленту.

– Сядь.

Филип прислонился к стене и попытался приподняться.

– Пожалуйста, развяжите меня, я не могу так. Я не могу думать, мне слишком больно. Никакой реакции.

Джокер сел на стул.

– Твой гребаный калькулятор не работает.

– О чем вы?

– О том, что нам нужно от тебя десять миллионов, и мы пытались это дерьмо перевести, но хрен, твой кодогенератор не работает.

Сердце забилося быстрее. Это огромная сумма для перевода, но ему нужно сосредоточиться, нельзя спрашивать о деньгах.

– Но все должно работать, – тихо сказал он.

– Ни хера подобного. Нам нужно было быстро все сделать.

Филип попытался вспомнить. У него был портфель акций, в основном шведские биржевые акции общей суммой около десяти миллионов.

Еще восемь миллионов должны лежать на его основном счету и в разных сберегательных вкладах.

Кроме того, у него имелся полис-вклад, зарегистрированный в Ирландии, с акциями, ценными бумагами и фондам с общей стоимостью около двадцати миллионов, но для доступа к нему требовались, к счастью, другие логин и пароль. Еще у него были акции в мелких предприятиях, собственные пробные инвестиции, о которых в банке не знали. По-настоящему большие суммы лежат на счетах фирмы, вложены в ее дела, но к этим счетам у него нет прямого доступа. Все пароли и генераторы кодов хранились у его консультантов.

У него по крайней мере восемь миллионов ликвидными средствами, и еще больше можно быстро получить. Но похоже, что проблема в банковских правилах.

– Что случилось? – наконец спросил он.

Ему даже показалось, что Джокер вздрогнул.

– Я зол. Я не понимаю в этой херне. Твой сраный банк сделал какой-то блок, когда отправляешь больше десяти тысяч евро за границу. Еще они хотят, чтобы мы сказали, куда переводим деньги. Так что если они идут в Таиланд, нужно заполнить долбаную кучу бланков и страховок. Такую вот хренотень они придумали.

Филип напрягся.

– Да ты нас, мать твою, обманул, – сказал Джокер.

18 февраля

С рецепции позвонили: клиент прибыл. Через четыре часа нужно представить доклад о «ДД», так что сейчас не самое подходящее время для встречи. Но Магнус выразился вполне определенно.

К тому же она уже знала, что доклад выйдет отличный. Она не нашла серьезных юридических проблем, которые заставили бы клиента отменить сделку, но обнаружила довольно скользкие моменты. Они потребуют тяжелой артиллерии на финальных переговорах по стоимости объекта, то есть фирмы. Это приведет к запросу дополнительной информации об объекте, увеличению эскроу⁶, возможно, к пересмотру сделки. Другими словами, клиент будет еще больше нуждаться в помощи «Лейонс», прежде чем договор подпишут.

...Одним из объектов гордости в «Лейонс» была рецепция.

Адвокатское бюро «Лейонс» стремилось держаться на том же уровне, что и лондонские фирмы, но не как те акулы с тысячным адвокатским штатом: «Аллен & Оувери», «Линклэйтерс», «Клиффорд Чанс» и бог знает кто еще. Скорее, как небольшие конторы типа «Слотер и Мэй», «Парабис» или «Стюартс Лоу», то есть те, где каждый партнер имел значительный доход от сделки. Там годовая прибыль партнера была как у какого-нибудь биржевого директора из Штатов.

Пол вымощен крупными плитами готландского известняка, стены обшиты деревянными панелями. Это не старинные панели в английском духе, а скорее, матовые, ровные стены из березы. За стойкой из темно-серого гранита обычно обитал администратор. Замысел заключался в том, чтобы эта стойка символизировала древние шведские скалы: надежность и традиции.

Вдоль правой стены стояло несколько минималистичных кожаных кресел классического датского дизайна от Поля Кьеркхольма. На маленьких столиках лежали свежие номера «Современной индустрии», «Сделок недели» и несколько красиво разложенных международных бизнес-изданий. Эту стойку никак не спутаешь с какой-нибудь провинциальной конторой, полной простоватых адвокатов-универсалов, но и с гулкой пустотой больших фирм нет ничего общего. Когда клиент попадал сюда через на первый взгляд непритязательную дубовую дверь на седьмом этаже, он должен был сразу всеми фибрами своей души осознать, что находится в одном из лучших адвокатских бюро Европы. В фирме высшего класса.

В одном из кресел сидел мужчина. На вид лет тридцати. Широкоплечий, в ветровке, которая слишком тонкая для сегодняшней погоды. На полу лежал рюкзак.

Когда он встал, Эмили увидела, что он очень высокого роста.

– Добрый день. Меня зовут Эмили Янсон. Это я вам звонила.

Мужчина протянул руку.

– Спасибо. Найдан, но можете называть меня Тедди.

Его рукопожатие оказалось чересчур крепким.

Он не сводил с нее глаз.

Лифт запищал, и двери закрылись.

– Какая мерзкая погода! – сказала Эмили.

– Да.

– Но будем надеяться, что до конца зимы выпадет немного снега.

– Ммм.

⁶ Сумма, передаваемая третьему лицу (в данном случае – юридической фирме) на имя другого лица с тем, чтобы она была выдана ему после выполнения определенных условий сделки.

– Вы бывали здесь раньше?

– Нет.

Тут она сдалась. Поездка с седьмого этажа на десятый заняла всего несколько секунд.

Кабинет Эмили находился парой этажей ниже, и оттуда открывался замечательный вид, но сейчас они были под самой крышей, где располагались приемные и конференц-залы. Вид здесь через панорамные окна был не просто замечательным, а невероятным.

Отсюда старые газгольдеры в парке Йердет казались темными силуэтами на горизонте, они ясно обозначали границу стокгольмского «Центра» – понятия, которое было определяющим для цен на жилье в городе. Либо вы внутри кольца – либо вы ничего не стоите.

Она покосилась на сидевшего рядом мужчину, проверяя, произвела ли на него впечатление эта картина. Он рассматривал свои колени.

Они расположились в одной из небольших переговорных, у всех них были немного дурацкие названия. Эта называлась «Усадьбой».

Эмили, как положено, протянула ему свою визитку. Он взял ее, не зная, что делать дальше. Она вспомнила некоторых пожилых партнеров, которые всегда следовали определенному этикету. Правый верхний угол полученной визитки следовало загнуть.

– Как я уже говорила по телефону, я поняла, что вам требуется помощь с санацией долгов.

Найдан, Тедди или как там его звали, убрал визитку в бумажник.

– Кто вам об этом рассказал?

Возникла пауза, пока Эмили обдумывала, как ей ответить. И задание, и клиент так не походили на ее обычные поручения. Она имела весьма смутное представление о санации долгов, пока Магнус не попросил ее связаться с этим клиентом и предложить ему услуги фирмы.

Обычно дело касалось людей без постоянного дохода, которые задолжали по кредитам.

При помощи приставов можно договориться о программе выплат. Кредиторы в таких случаях вынуждены согласиться всего лишь на двадцать процентов по своим претензиям – во всяком случае, лучше, чем ничего, и должнику приходится соглашаться жить на прожиточный минимум в течение пяти-шести лет.

– Один из партнеров в нашей фирме хотел бы вам помочь. Я его ассистент, так что я к вашим услугам.

Тедди взял бутылку минералки с подноса на столе. Он не ответил, только открыл бутылку и наполнил стакан.

– Почему он хочет мне помочь? – наконец спросил он.

Это Эмили и сама хотела бы знать. Но у нее имелись инструкции от Магнуса, как следует отвечать.

– Иногда мы работаем, так сказать, *pro bono*, оказываем помощь тем, кто не может за нее заплатить. Я не знаю, как мой начальник узнал именно о вашей ситуации, но для такой фирмы, как наша, важно помогать гражданам, и я могу гарантировать, что вам предложат самое лучшее обслуживание.

– Вот как. Но тогда я сразу раскрою карты, посмотрим, что из этого выйдет.

Эмили снова внимательно на него посмотрела. И заметила, что у него не хватает одного зуба в нижнем ряду.

– Я просидел в тюрьме восемь лет и только что вышел.

Она вздрогнула. Она знала, что в Швеции всех обычно выпускали после того, как они отбудут две трети срока. Восемь лет колонии означали, что Тедди осудили на двенадцать. За серьезные преступления так много дают. Почему Магнусу было так важно помочь именно этому человеку?

Тедди кратко рассказал о своих проблемах с работой и о том, что живет за счет своей сестры.

– И долги, ну да, они есть.

Эмили задала навоящие вопросы. О размере долгов, о том, как они разделены, насколько они старые, знал ли он, кто предъявлял претензии. Вместе они заполнили бланк. Он не выглядел довольным. Серый туман за окном как будто давил на стекла. Клубящаяся городская дымка добралась и до комнаты с видом.

Когда они закончили, она снова взглянула на него.

– И еще кое-что. Партнер, Магнус Хассел, хотел бы встретиться с вами лично.

Сегодня на Магнусе был алый галстук, завязанный идеальным узлом.

Лиловый платок в нагрудном кармане.

Он пожал руку Тедди и сел в кресло. Эмили осталась на своем стуле. Магнус по привычке перекачивал ручку между пальцами.

– Мы не знакомы, я обычно работаю со слияниями и поглощениями, мы помогаем продавать, покупать и объединять компании. Мы работали, например, с продажей «Адакстры» прошлой весной. Мы на одиннадцатом месте в списке крупнейших юридических фирм Скандинавии. Наша цель – быть лояльными нашим клиентам и способствовать их благополучию.

Эмили задумалась об этом вечном потоке хвостовства. Четыре раза за последние десять лет справочники «Лигал 500» и «Лучшие в Швеции по мнению клиентов» выбирали «Лейонс» лучшей фирмой в проведении транзакций («Лучшая команда профессионалов в сфере слияний и поглощений»). Самого Магнуса в международном рейтинге охарактеризовали как «высоко рекомендуемого ведущего юриста».

Тедди сидел, опустив голову, и, похоже, даже не слушал. Эмили не могла взять в толк, что не так с этим человеком. Невнимательный. Пассивный. Неблагодарный.

Магнус сцепил руки перед собой. Рукава пиджака натянулись и обнажили запонки на манжетах. В форме букв «М» и «Х» из чистого золота.

Эмили узнала то движение, которым он давал понять, что сейчас речь идет о чем-то важном.

– Дело в том, Найдан, что я хотел бы попросить вас помочь мне и Эмили в одном деле.

Во второй раз за день Эмили вздрогнула. Обычно Магнус говорил о делах откровенно, но определенно не сегодня. Он ничего не сказал ей о том, что хотел привлечь Тедди. Похоже, санация налогов была только предлогом.

– Речь идет о пропаже человека, – продолжил Магнус.

Он замолчал, как будто желая удостовериться, что Тедди его слушает.

Тедди ничего не сказал, но, по крайней мере, поднял глаза.

– Мы точно не знаем, как давно этот человек исчез – от трех до шести суток. Мы не знаем, где он. Его родители сами не свои от беспокойства, как вы понимаете. Мы подозреваем, что его увезли силой.

Тедди резко перебил его:

– И почему же это, можно мне узнать?

– Да, в общем, я считаю, что его похитили. Боюсь, я не могу сейчас вдаваться в детали. Понимаете, это, так сказать, довольно уважаемое семейство.

– И почему вы хотите, чтобы я вам помогал?

Магнус отодвинул кресло и откинулся на спинку. Он смотрел в потолок, как будто размышляя над ответом, возможно, его разыгрывают.

– Это срочное дело. По полицейской статистике, если человека не находят в течение сорока восьми часов, риск смертельного исхода удваивается. И это ужасно. Эмили тоже занимается этим вопросом, так что вам не придется работать в одиночку.

– Мне кажется, вы не ответили на мой вопрос. К тому же похоже, что у вас уже есть крутой специалист.

– Конечно, но нам нужны вы.

– Почему?

– Буду совершенно откровенен, дело такой важности, что нет причин вилить. Эта история как-то связана с Седертелье. За пару недель до исчезновения на жертву напала группа людей, как мы думаем, оттуда.

– В Седертелье есть и другие люди, чтобы вам помочь.

Магнус наклонился к нему над столом.

– Тедди, я думаю, ты понимаешь, почему ты нам идеально подходишь. Сам знаешь, мне не нужно это озвучивать. Правда?

– Я знаю, что вы думаете.

– Тогда, полагаю, ты меня понимаешь. И понимаешь, почему нам нужен именно ты.

Эмили больше не могла сидеть спокойно. Она осторожно повернула голову, чтобы посмотреть, как Тедди реагирует. Он все так же смотрел прямо перед собой.

– Тогда я должен сообщить, что больше такими делами не занимаюсь.

Магнус захлопнул рот, как будто у него внезапно закончились слова.

– Позвоните лучше в полицию, – продолжил Тедди.

Ручка перекатывалась туда-сюда в руке Магнуса.

– Нет, будь добр, послушай меня еще пару секунд. Я понимаю, что именно сейчас у тебя есть все причины осторожничать и совсем неприятно так долго просидеть в тюрьме. Но семья пропавшего не может позволить себе обратиться в полицию. Все знают, что полицейские не прочь слить жареные истории газетам, ты и сам в курсе этого. Если это просочится, шансы найти парня уменьшатся, а те, кто его похитил, могут запаниковать и наделать глупостей. Это слишком опасно, я сам им отсоветовал. Помнишь похищение Себастьяна Андерссона?

– Конечно. Эту историю все помнят.

– Так получилось, что я хорошо знаю его отца. Он мне сказал, что их самой большой ошибкой было позвонить в полицию.

– Потому что они растрепали.

– Да, и наши дорогие таблоиды отслеживали работу полицейских, так что похитители смогли вовремя скрыться. Кроме того, они получили более детальную информацию о состоянии семьи Андерссон. Похитители повысили сумму выкупа до трех миллионов. Все пошло не так. Тело Себастьяна Андерссона так и не нашли.

– Но у них ведь есть спецотделы для этого, разве нет?

Эмили услышала, как скрипнул стул Магнуса, когда он наклонился еще ближе к Тедди.

– Возможно, но сейчас дело касается семьи того же ранга, что Андерссоны. То есть лакомый кусочек для прессы. О таком даже спецотделы не умолчат. Достаточно одного жадного глупого полицейского – и все выйдет наружу.

Тедди ничего не ответил.

– По той информации, что есть у меня, ты все еще лучший, и у тебя обширная контактная сеть.

– Вряд ли ваши друзья в нее входят.

– Все может быть. Но я считаю, что ты можешь нам помочь. И честно говоря, нет времени на препирательства. Кроме того, хотел бы упомянуть, что ты можешь, так сказать, сам выбрать вознаграждение.

Магнус многозначительно подмигнул.

Эмили это не понравилось – грязные деньги.

Тедди встал.

– Боюсь, это не для меня.

Магнус тоже поднялся.

– Постой, Тедди, я хочу сказать, что ты нам очень нужен. Необходим.

Тедди вежливо пожал протянутую руку Магнуса.

– Вы меня не знаете.

Затем он повернулся к Эмили и обменялся рукопожатием с ней.

– И ты тоже.

Они молчали, пока ждали лифт. Когда двери открылись, Эмили спросила:

– Вы ведь найдете дорогу сами?

Это должна была быть шутка, но Тедди посмотрел на нее как на идиотку.

Когда лифт уехал вниз, она вернулась в переговорную.

Здесь все еще был запах Тедди. Запах дешевого дезодоранта и пота...

– Мне попытаться ему помочь с санацией? – спросила она и закрыла за собой дверь.

Магнус стоял у окна.

– Это неважно, если он не хочет нам помогать. Похищение сейчас важнее всего.

– Почему вам нужен именно он?

– Он хорошо в этом разбирается и подходит нам идеально. Все, с кем я говорил, так считают. От моих старых однокашников, которые расследуют преступления, до начальника полиции в округе. Я говорил с ней позавчера, разумеется, не вдаваясь в подробности.

Эмили не могла удержаться от вопроса:

– Я думаю, это сомнительная идея. Вы знаете, что его осудили на двенадцать лет?

– Разумеется, и это одна из причин, по которым он нам нужен.

* * *

Вечером Линда захотела прогуляться и поужинать в центре. Тедди догадывался, что так она пытается его развлечь. Она еще не знала, что он задолжал сигаретному лорду несколько сот косарей. Возможно, она и сама хотела взбодриться. Хотя Никола позвонил и сказал, что с ним все в порядке, дома он еще не появлялся.

Они пошли пешком. Это было приятно; пусть дорога и отнимет полчаса, но здорово вот так свободно идти куда хочешь.

Тедди вспомнил ту ночь несколько дней назад, до того как Никола решил не возвращаться домой.

Он не мог заснуть, сидел в гостиной и смотрел телек. Ему было противно, в первые годы в тюрьме он столько таращился в этот зомбящий, что, казалось, эти программы попрут у него из ушей. Но он не уходил.

В полтретьего он услышал, как открылась входная дверь. Кто-то потянулся за вешалкой, снял ботинки.

Затем тихие крадущиеся шаги. Никола заглянул в гостиную.

– Никола, ты выпил?

Никола замер на секунду, затем развернулся и чуть не упал, садясь на диван.

– Да так, – ответил он. – Чем занят?

– Наслаждаюсь свободой.

– Правильно делаешь.

– Спасибо. И еще жду тебя.
– Успокойся. Не нужно меня ждать.
– Ок. Я скоро пойду спать. А ты не устал?
– Да так. Я бодрячком. Знаешь, мне вообще трудно заснуть.
– Может, ляжешь в своей комнате? Я без проблем посплю здесь на диване.
– Не-не, ты должен спать в нормальной постели. Ты заслужил. Мне нужно просто поспать и остыть слегка.

Тедди видел глаза Николы – две черные точки, чернее, чем темнота в комнате. Нет, он не пьяный, говорил он четко.

– Ты что-нибудь читаешь сейчас? – спросил Тедди.

На губах Николы появилась тень улыбки.

– Не говори, как дед. Он мне дает новую книгу каждый раз, когда мы встречаемся, но прочитал я только ту о Златане.

Из колонок доносилась греческая музыка, на кирпичных стенах висели картины, изображавшие Посейдона, Диониса и прочих греческих богов и полубогов. Тедди вспомнил, как отец читал ему о них в детстве.

«Медуза» – типичный греческий ресторанчик.

– Пока ты сидел, все подсели на тайскую еду, даже в сосисочных теперь продают воки. Но я всегда любила и буду любить греческую!

Тедди помнил этот ресторан, они ходили сюда, пока еще мама была жива.

Они сняли куртки и сели за столик. Линда забронировала его заранее, хотя это, похоже, было не нужно. Зал был полупустой. Она заказала чесночный хлеб, цацики и фету. Тедди ничего не взял.

Они говорили об отце, который на самом-то деле не так хорошо справлялся со своей одинокой жизнью. На днях он забыл сковороду на плите.

– Ему же, черт побери, всего шестьдесят пять, – сказала Линда.

– Да, но с некоторыми жизнь жестче обходится, – ответил Тедди.

На горячее она взяла сувлаки, Тедди заказал бифтеки с сыром, самое дешевое, что было в меню.

– Мне сегодня предложили работу, – сказал он, когда принесли еду. – Впервые за все это время.

Линда не донесла вилку до рта.

– Это же прекрасно, боже мой, как замечательно! Что за работа?

Тедди кратко рассказал, что юридическая фирма просила его помочь найти пропавшего человека.

– И какое они предложили вознаграждение?

В определенных областях Линда всегда умела найти нужное слово.

– До этого мы не дошли.

– Почему?

– Я отказался.

– Почему? – В ее голосе так ясно слышалось разочарование, так что несколько человек за соседними столиками обернулись на них.

Он наклонился к ней и понизил голос:

– Это не ко мне. Не знаю, как эта фирма узнала мое имя, но они думают, что это старый я. Я таким больше не занимаюсь.

– Но вознаграждение? Деньги лишними не будут.

– Нет, это как-то неправильно, это из моей старой жизни.

Она опустила голову, как будто размышляя над его словами.

Линда настояла на десерте. Они ждали в тишине.

Через пару минут запищал ее телефон. Она взглянула на экран.

– Боже мой, Тедди? Чем ты занимаешься?

– О чем ты?

Она протянула ему телефон.

Ясно высветилось мигающее сообщение: «Скажи ему заплатить вовремя. Иначе пусть выбирает, с кого мы начнем: с твоего сына или с вашего отца. С приветом, Могге В.».

Линда смотрела на него широко открытыми глазами.

Тедди не мог себя заставить взглянуть на нее. Вместо этого он рассматривал одну из картин на стене. Мужчину с крылышками на сандалиях.

Гермес – так ведь его, кажется, звали? Покровитель воров. Тот, кто после смерти провозит души в подземный мир.

Это больше не его бог.

* * *

Джокер стоял над ним, и лампы били Филипу в лицо.

Он снова отполз назад. В последние дни он все время так делал, как только дверь открывалась. Рана быстро перестала кровоточить, но воспоминания о том выражении лица Джокера и об острой боли в щеке не гасли.

Кожу обожгло, когда Джокер содрал скотч.

– Мне нужно поесть, – пробормотал Филип.

– Тебе же уже дали еды.

– Что-то еще, кроме хлеба.

– Скоро будет. Голод это плохо. Я не хочу, чтобы ты страдал, правда.

– Но почему?..

– Бабки, Филип. Мне нужны бабки. И все. Мне сказали, что все будет быстро. А теперь мы все просрали.

Филип не знал что думать. Он устал. Тем не менее слова о еде его успокоили. Скоро ему дадут поесть, может, это придаст ему сил. Тогда ослабят повязки на руках и ногах, и он сможет справиться нужду в ведро, которое они приносят.

Он пытался подслушивать после того, как этот псих его порезал.

Иногда звуки музыки обрывались голосами. В основном голоса были такими тихими, что он ничего не слышал, но пару раз он разобрал разговор на повышенных тонах.

Другие голоса он не различал, только Джокера.

Но этого хватало.

– Это должна была быть пара часов, может быть, день, ты обещал!

– Да, но теперь-то он тут уже почти шесть дней, и ты так и не узнал, как переводить деньги. Тебе нужно было только сделать перевод, и даже это ты не смог.

– Это, блин, квартира, тут люди могут услышать. Я с этим разберусь по-своему, если ты ничего не придумаешь.

Филип не мог сообразить, что это за люди. Кажется, они не знали, как работают банки в Европе.

И вот Джокер здесь и хочет поговорить.

«Я с этим разберусь по-своему». Филип слышал эти яростные слова, эхом отдающиеся в голове.

– Сделай, чтобы мы получили наши бабки. Шестнадцать миллионов.

– Разве вы говорили не десять?

– Теперь шестнадцать из-за проблем и за риск, потому что время идет. И еще мы видели их у тебя на счету.

Филип почувствовал, как головная боль усилилась.

– Но тогда нужно продать бумаги. Это займет время.

– Так сделай это. Не бойся, мы тебя выпустим. Но сначала ты скажи, как перевести бабки.

– Но я не знаю.

– Так придумай.

– Но...

Клоунское лицо приблизилось. Филип увидел две морщинки у глаз Джокера. Он опознает его в полиции, если это когда-нибудь понадобится? Нужно сохранять ясную голову, насколько это возможно.

Джокер взял что-то в руку, что-то, похожее на какой-то инструмент.

– Нужно что-то с этим делать, Филип.

Филип понял слишком поздно. Как только он мог быть таким идиотом?

Он бросился назад и попытался на животе отползти в глубь ванной.

Джокер поднял то, что держал в руке.

Филип почувствовал, что его уже схватили за руку.

Рука согнулась под неестественным углом. Рана на щеке вспыхнула.

Это были ножницы или секатор. Джокер что-то быстро сделал и наклонился над ним.

В то же мгновение Филип почувствовал невыносимую боль в мизинце.

Клацающий звук. Он понял, что произошло.

Он завыл.

– Ай, а-а-а!

Джокер поднял руку.

В полумраке Филип разглядел собственный кровоточащий палец.

Теперь голос Джокера звучал агрессивно:

– Мне, мать твою, нужны мои бабки. Я тут не бесплатно сижу, слышишь? Придумай, как перевести. У тебя есть час.

Джокер бросил ему клочок бумажного полотенца.

Дверь захлопнулась.

Снова темнота вокруг.

Филипа стошнило. Он прижимал клочок бумаги к обрубку пальца.

Попытался сконцентрироваться.

Ему нужно что-то придумать.

Ему нужно перевести шестнадцать миллионов крон.

За решеткой (четыре года назад)

Вертухаи постарше ныли, что времена изменились. Они рассказывали, что десять лет назад во всей тюрьме были только две бабы-охранницы, и обе такие суровые, что ничего не боялись, даже гепатита, а им тогда болел каждый второй.

Через пять лет одна из них, Ким, даже замуж вышла за одного сидельника, так что не такая уж она была лесбиянка, но все равно. У нее так и осталась короткая стрижка набок и глубоко засевшая любовь к «Мартинсам».

Теперь почти половина всех, кто работал в тюрьме, – бабы. Времена меняются, снова рассуждали старые сторожа, ничего в этом плохого нет. Но что мы станем делать, если вдруг бунт? Позвоним в полицию? Позовем Ким с ее говнодавами?

Несмотря на новый половой порядок, всегда возникало некое возбуждение, когда на работу приходила новая девица. А уж если ей было меньше тридцати и выглядела она прилично, поведение парней становилось почти легкомысленным.

Когда Тедди отбывал свой четвертый год, в корпусе «С» начали работать две охранницы, Эмма и Сара. Обеим около двадцати пяти, и обе красотки. Необходимо было завести какую-то жизнь здесь, за решеткой – ему оставалось сидеть еще четыре года за это дерьмо.

Он тогда корешился с двумя парнями, Йимми «Шипом» Эрикссоном и Локи Оденсоном.

Шипа он знал еще с тех пор, как они сидели в предварительном заключении в Кумле. Его посадили за ограбление кассы в Эскильстуне. Вместе с несколькими ребятами из Стокгольма они тщательно подготовились, даже проехали по разным маршрутам в той машине, в которой собирались драпать. Они взяли больше восемнадцати миллионов крон – серьезную сумму для четверых парней из пригорода.

Они были не дураки, и затаились в первые недели. Засели дома и отсмотрели сотни часов порнушки и фильмов про супергероев. Они не выходили в город, не стали пить шампанское, не скакали по столам в гламурных ночных клубах на Стуреплан, не тратили на девиц по тридцать тысяч за вечер. И все равно спалились. Одного из парней полиция тормознула для рутинной проверки пару недель спустя. Чувак, наверное, слишком нервничал, потому что полицейские отчего-то решили заглянуть в спортивную сумку, которую он пытался запихнуть в машину: она была забита оружиевыми муляжами. А дальше: оружие совпадало с тем, которым пользовались при ограблении преступники, как показали камеры наблюдения, а также на стволах нашли следы ДНК Шипа.

Легавые начали копать: обыскали, забрали его комп, их айтишники нашли там телефон домовладельца, позвонили домовладельцу в Эскильстуну, показали ему фото Шипа и спросили, знает ли он этого человека. Да, конечно, домовладелец его узнал, Шип с тремя приятелями снимал у него квартиру, как раз напротив банка. Но как сказал Шип: «Бабло им никогда не найти, оно так козырно спрятано, что я сам едва помню где. Я получил пять лимонов, и за это мне дали шесть лет. Да я бы эти деньги за это время на обычной работе вджобать не смог. Это стоит каждого дня, каждой минуты на нарах».

Тедди высоко ценил его позитивный взгляд на жизнь.

Локи был совсем другого типа перцем. Он получил два года за компьютерное пиратство. Кажется, он администрировал какой-то сайт, где можно было нелегально скачать фильмы и музыку. Речь шла о миллионах пользователей по всему миру. Локи признал свою

причастность в суде, но боролся с прокурором на политическом поле. Тедди не очень-то в этом разбирался, компьютерным гением он никогда не был.

Локи был в тюрьме совсем не к месту, особенно в этой, с ее строгим режимом. Странно, что двадцатисемилетнего хакера с бледными руками-макаронинами и легкой шепелявостью поместили вместе с наркоторговцами, бандитами из гетто в Мальме и разноцветными кадрами из стокгольмских пригородов. Но по какой-то причине его считали склонным к побегам. Может, из-за его поведения в зале суда или всей той поддержки, которую он имел на воле?

Как бы то ни было, он сдружился с Шипом, они оба интересовались всякими гаджетами. А все друзья Шипа были друзьями Тедди.

Ему нравился этот парень.

Однажды Локи назвал нового зека по имени Иббе Салах «пукалкой». Проблема оказалась в том, что Салах не просто получил срок за побои и хранение огнестрела, но к тому же был важной шишкой в молодой, но страшно дерзкой банде «Скорпионы Швеции». Локи вызвали в камеру к Салаху и приказали заплатить сто тысяч за свои слова. Локи отказался, он думал, что и из этой неприятности можно выпутаться так же, как и всегда: при помощи болтовни. Но на следующий день у него в еде оказалось дерьмо. Еще через день кто-то «случайно» наступил ему на ногу – так, что кости раскрошились. Тогда до него дошло.

Через три дня они собрались в камере Тедди. Салах, Локи, Тедди и два парня из банды Салаха – пора было сесть за стол переговоров. Тедди был ветераном их отделения, и все знали, что он парень честный и никогда не затеет заварушку без причины. В конце концов они пришли к тому, что Локи заплатит пять тысяч на счет «Скорпиона». Тедди думал, что Локи разозлится и разобидится, но все получилось наоборот. С этого дня Локи Оденсон был предан Тедди всей душой.

Они сидели, раскинув две колоды – в «Казино» всегда играют двумя. Тедди с Шипом, Локи – с Саликой, который обычно с ними не играл. Восемь карт на руку и восемь на столе. За другими столами играли прочие картежники, так что обычно здесь было тихо.

Но не сегодня. В общей комнате были новые охранницы, Сара и Эмма.

Они сидели на диване с кружками кофе в руке.

И не только Тедди не мог понять, что они здесь забыли.

Заклученные в основном справлялись сами, самостоятельно готовили еду, накрывали столы, убирали. Некоторые отвечали за пинг-понг, карты и настолки. Другие работали в мастерских или в своих камерах. Персонал сидел в служебке или перед экранами. Все было оцифровано, автоматизировано, прозрачно. Человеческий контакт между заключенными и персоналом по разумным причинам пресекали давным-давно.

Нормальной формой коммуникации были трескучие голоса сторожей в динамиках.

Шип опустил руку с картами на стол и ухмыльнулся.

– Устроим им проверочку, когда закончим?

Тедди усмехнулся в ответ.

– Мы всех проверяем.

Тедди поднялся и встал напротив девушек на диване.

В комнате был низкий потолок, как и во всех местных помещениях, лампы давали холодный свет. Пол покрывал светло-коричневый линолеум, он всегда казался грязноватым, хотя здесь многие ходили в тапках. Деревянные столы намертво прикручены к полу, как и стулья, – хоть и давно, но случалось, что в таких местах возникали беспорядки, а Халль был одной из трех самых строгих тюрем в стране.

– Добро пожаловать в Халль, у нас, может, и не лучший кофе, но точно лучший персонал. Да?

Он выдал свою самую очаровательную улыбку, хоть и знал, что Шип и Локи считали, что из-за нее он становится похожим на волка.

Эмма улыбнулась в ответ.

– Спасибо, меня зовут Эмма. А вас?

Они представились, обменялись вежливыми фразами, попытались пошутить.

Поговорили о футбольном матче между заключенными и вертухаями, о новых фильмах, которые им привезли, о прекрасной погоде.

«Эти девицы отлично подойдут», – подумал Тедди.

– Скажу вам, что многим не очень-то нравится, когда снаружи двадцать пять и солнце, а мы должны сидеть здесь.

Эмма и Сара покивали и согласились.

– А как вы работаете летом? – спросил Тедди.

Сара ответила:

– Я работаю весь июль и август, а потом возьму полставки и в свободное время буду учиться на криминолога.

Тедди попытался улыбнуться:

– Интересно, вам будут читать лекции про меня?

Они засмеялись.

Дни летели. Тедди и Шип обрабатывали девушек изо всех сил. Радостные возгласы, когда они виделись в караулке, широкие улыбки, когда они проходили мимо во дворе, милые короткие беседы, когда они встречались в столовой.

Для всех охранников работали те же правила. Или ты сговорчивый, славный тип, приятель, который может помочь и не против зек. Или формалист, зануда и мелкий царек, который наживает себе врагов и получает за это унылые рабочие будни с кучей жалоб и споров.

Но сторожами первого типа часто просто пользовались. И дело не ограничивалось дополнительными телефонными разговорами или продлением часов посещений, а доходило до требований мобильных телефонов, наркотиков и помощи при побеге. Дашь палец – откусят руку. И Тедди, и Шип отсидели уже достаточно долго, чтобы понять правила игры. Если сыграешь слишком жестко или явно, заметят другие охранники. Сторожа первого типа попытаются предостеречь девчонок, поговорить с ними. Другие начнут ревновать. Так что девчонки придерживались своих методов. Просто старались казаться милыми, веселыми и простыми.

Через пару дней они встретили Эмму и Сару, когда те готовились к уборке в камере, где сидел парень, который только что помер. Парень поссорился с другим зеком из коридора, а тот наточил зубную щетку и прикончил врага тремя быстрыми ударами.

– Тепло сегодня?

Было 15 июня, светило солнце.

Сара и Эмма подошли к ним. Они были одеты в форменные синие штаны с боковыми карманами, широкими ремнями, к которым были подвешены крючки и бейджи, и голубые рубашки тюремщиков.

– Да, отличная погода. Когда вы сегодня выходите?

– Скоро, – ответил Тедди. – Но я хочу кое-что узнать. Через несколько дней Иванов день. Понимаете, как печально отмечать его за решеткой. Мы попытаемся немного гульнуть, уж как сможем, часто бывает селедка на обед, но это все. Такая скуотища. Не могли бы вы оказать нам одну совсем крошечную услугу? В честь лета?

Сара и Эмма стояли близко к ним. Кроме них четверых в коридоре никого не было, но он все равно понизил голос:

– Не могли бы вы пронести немного легкого пива в канистре? Чтобы мне, Шипу и Локи отметить праздник? Просто пива. Пожалуйста.

Он ждал. Пытался прочитать ответ по их лицам и одновременно принять самый безобидный вид, какой только мог.

19 февраля

Эмили включила громкую связь. Голос Магнуса:

– Эй, детка, не могла бы ты зайти на минутку?

Магнус всех адвокатов-мужчин называл «приятелями», даже если они были лет на пятнадцать старше него, а всех особей женского пола – либо «детками», либо «лапочками».

Эмили взяла блокнот и встала. Она опять вспомнила о той беседе. Пришло время им доказать.

На часах полдесятого. Юсефин еще не пришла, поэтому Эмили и включила громкоговоритель. Иначе это помешало бы ее коллеге, к тому же Магнус настаивал на абсолютной конфиденциальности.

Она прошла в его кабинет.

Магнус сидел с телефонной трубкой в руке.

– Закрой дверь, – сказал он. – Я собираюсь позвонить Карлу-Юхану и Катарине Шале, родителям Филипа, я включу громкую связь и хочу, чтобы ты тоже слушала. Тут кое-что случилось, кое-что очень тревожное.

– Что именно?

– Точно не знаю, пока я только получил сообщение. Садись.

Она была счастлива от того, что привела в порядок ДД-доклад и к тому же так отлично с этим справилась. Последние несколько часов она работала не отрываясь. Клиент будет доволен, в этом она уверена. Но нервный озноб в теле прошел только утром.

Эмили привыкла заниматься делами, в которых у нее не было опыта. Так обычно и происходит в фирмах среднего уровня, где юристы должны услужить клиенту и ответить на все его вопросы, но нет возможности иметь штат экспертов в каждой отдельной области, как у гигантов вроде «Маннхеймер Свартлинг» или «Винге». Хотя поиски пропавшего человека – это не новое *юридическое* поле. Это совершенно новый тип задания, совсем иная работа. Для нее это было как высадка на Марс.

Ее первая реакция была та же, что и у Тедди, хотя, как ей казалось, у них не было абсолютно ничего общего. Нужно пойти в полицию. Но Магнус также объяснил ей нежелание родителей обращаться туда и еще напомнил о деле Себастьяна Андерссона, когда похитители смогли следить за расследованием шаг за шагом благодаря статьям в «Экспрессен».

– Дело в факторе известности. Если бы семья Шале не была семьей Шале, я бы больше полагался на полицию.

Когда они начали работать над делом, она спросила Магнуса, с чего он порекомендует ей начать. Он ответил:

– Я так давно занимался такого рода практикой, что ты разберешься лучше, чем я.

– Но это совсем не юридическая практика.

– Да, здесь ты права.

Дальше этого обсуждение не пошло. Типичное поведение партнера. Они занимаются отношениями с клиентами, но саму работу делает кто-то другой.

Тогда она полезла в поисковик, посмотрела сайты полиции и некоторых волонтерских организаций. «Миссинг Пипл», «Пропавшие дети». Там нашлись основные моменты.

Вы знаете, где пропал человек?

У вас есть доступ к онлайн-банкингу пропавшего? Узнайте, когда карта использовалась в последний раз, проверьте, активна ли она сейчас.

Обзвоните больницы в предполагаемом районе пропажи.

Магнус рассказал ей, как исчезновение обнаружилось. Если бы все было как обычно, родители Филипа не стали так рано бить тревогу. Карл-Юхан и Катарина нечасто говорили с сыном по телефону. Они встречались с ним время от времени, но нерегулярно. Конечно, Карл-Юхан был в правлении одной из сыновних компаний, но это не предполагало частых встреч. Филип мог бы отсутствовать несколько дней, и они бы этого не заметили.

Но вмешался случай. Карл-Юхан купил новое ружье и решил отдать свою старую двустволку сыну. Он заходил к Филипу около недели назад, звонил в дверь, но Филип не открыл. Карл-Юхан, который хотел устроить из передачи ружья сюрприз, написал записку и опустил ее в почтовый ящик:

Дружок, я так тебя люблю. Поэтому отдаю тебе мою старую... Я ведь хочу, чтобы ты был счастлив, когда ты выбираешься на... Позвони папаше!

Это было так не похоже на Карла-Юхана, что Филип должен был перезвонить сразу, как только найдет записку. Но он, может, был у своей девушки? Может, прочел записку только следующим вечером? Или еще через день. Но потом Карл-Юхан стал догадываться, что что-то здесь не так. Почему Филип не дает о себе знать?

Карл-Юхан очень хотел рассказать сыну о двустволке. Он попытался позвонить, но телефон Филипа был выключен. Рабочий номер тоже не отвечал. И когда его случайно соединили с Яном, оказалось, что тот тоже не имел понятия, куда Филип запропастился.

И тогда Карл-Юхан и Катарина Шале начали подозревать неладное. Но совершенно уверены они не были.

На следующий день они случайно столкнулись с Акселем Нильссоном, другом Филиппа. Тот рассказал, что пару недель назад Филипа избили. По словам Акселя, Филип говорил, что нападавшие были из Седертелье.

И тогда они решились.

Не получив никаких вестей о сыне и с помощью слесаря взломав дверь в его квартиру, они обратились к Магнусу Хасселу.

Они знали его лично и нуждались в его совете.

Эмили обзвонила все стоковые больницы с расспросами о Филипе. Одни отвечали, что он не был у них на лечении, другие – что они не имеют права разглашать информацию о пациентах. Эмили спросила:

– Но мы же не знаем, где он, и волнуемся. И вы считаете, он может быть против того, чтобы вы нам рассказали?

В Сальгренской больнице ей на это ответили, как и в большинстве других:

– Такие правила. Если пациент не хочет, мы не можем ничего сообщить.

Эмили не сдавалась:

– Могу я тогда спросить чисто гипотетически? Если бы он был у вас, могли бы вы передать ему, чтобы он позвонил отцу?

Медсестра помолчала.

– Гипотетически?

– Да, если вдруг он все-таки у вас. Просто попросите его позвонить.

– Хорошо.

– Вы попросите его перезвонить как можно скорее?

– Вряд ли это понадобится.

Этого оказалось достаточно. По крайней мере, в этой больнице его не было.

Она все еще не представляла, в каком направлении ей копать. Она юрист, а не какой-нибудь частный сыщик.

Но вчера, когда этот чудной Тедди ушел, а она рьяно взялась за отчет по ДД, ее вдруг осенила идея.

Юссан говорила, что ее дядя работал в полиции. Это будет только шаткий мостик, сплошные «если» и «может быть», но нужно попытаться. Эмили рассказала все, как было.

– Мне нужно поговорить с полицейским, с кем-то, кто сможет мне рассказать об определенных вещах, и я сразу подумала о твоём дяде.

– Ага, – протянула Юсефин. Возможно, просьба показалась ей слишком бесцеремонной. – Это связано с новым делом?

...Инспектор Йонни Сванелль оказался точно таким, как Эмили себе и представляла. Волосы коротко подстрижены, во взгляде сквозило что-то наивное, в то же время он был спокоен и собран. На запястье спортивный браслет. В клетчатой рубашке, грубых черных ботинках и черной штормовке. Почему шведы обожают походную одежду – этого Эмили никогда не могла понять. Люди выглядят так, как будто собираются покорить Кебнекайсе, даже когда просто вышли в магазин за хлебом.

Они расположились в кафе в торговом центре «Нака Форум». Йонни жил неподалеку. На часах было семь, и многие магазины уже закрывались. Кафе и рестораны проработают еще пару часов, а потом огромная шопинг-галерея полностью опустеет.

Почти безлюдный центр – Эмили казалось, что в этом было что-то зловещее.

Йонни прихлебывал чай и ковырял вилкой кусок черничного пирога.

– Мы с племянницей не так часто болтаем, так что когда она звонит и говорит, что дело срочное, я это воспринимаю очень серьезно.

– Спасибо, что приехали так быстро. И я очень благодарна, что вы вообще согласились встретиться. Мы ведь совсем не знакомы.

– Нет, но Юссан хорошая девочка.

Эмили оглядела кафе, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Всего два столика вдалеке были заняты.

– Итак, я работаю вместе с Юсефин и сейчас занимаюсь довольно специфичным делом. Я подозреваю, что вы порекомендуете мне обратиться в полицию, но я сразу хочу сказать, что не могу этого сделать. Хочу, чтобы вы заранее это знали.

– Хорошо, я еще ничего и не сказал. О чем речь?

– Мы ищем человека, предположительно пропавшего. Речь может идти о похищении, но возможно, что дело в другом: насилии или несчастном случае. Я бы хотела услышать, что об этом деле думает опытный полицейский. Юссан говорит, что вы настоящая звезда сыска и скоро станете комиссаром. И что все вас обожают.

Она старалась его умаслить изо всех сил, хуже от этого не будет.

Йонни продолжал потягивать свой чай.

– Пожалуй, вам стоит рассказать побольше, чтобы я смог разобраться.

Другого Эмили и не ожидала. С чего бы полицейскому, который привык расследовать преступления и ловить преступников, который должен был их *регистрировать*, помогать ей, не разобравшись, в чем дело? Его дело просто принять заявление, не более того.

– К сожалению, сказать я могу немного. Вам придется обойтись тем, что есть, имена или что-то еще, что наведет вас на мысли, о ком я говорю, вы не узнаете. Могу только рассказать, что совершеннолетний человек пропал неделю назад.

Она поделилась тем, что им было известно.

Йонни изучающе посмотрел на нее, когда она закончила. Снова поднес чашку к губам, но не сводил взгляда с Эмили, пока пил.

– Могу я кое о чем спросить?

– Да.

– Чем вы, черт возьми, занимаетесь?

– Что вы имеете в виду?

– С той ситуацией, о которой вы говорите, нужно обращаться в полицию, вы и сами понимаете. Нельзя играть в детективов, это смертельно опасно.

Эмили глубоко вздохнула. Придется идти ва-банк.

– Сейчас дело не в этом. Я связана пожеланием моих клиентов, родителей пропавшего. Они вас просто боятся.

– Боятся нас?

– Да, и вы, наверное, догадываетесь почему. Не секрет, что в полиции сливают информацию только так, когда речь идет об известных людях. И это серьезно уменьшает их шансы найти сына. Если речь действительно о похищении.

– Вот как вы думаете.

– Именно так. Так что если вы не можете мне помочь, я не стану отнимать у вас время, спасибо, что уделили мне минутку. Но я могу вас заверить, что у нас есть все ресурсы для этого дела и что мы сотрудничаем с нашим партнером – бюро расследований «Редвуд Секьюрити», а они в этом понимают. Нужно найти человека, который, скорее всего, в опасности. Не хотите помогать – давайте распрощаемся. Я заплачу за пирог.

Через полтора часа она села в такси, чтобы вернуться в центр. Она устала. ДД-отчет выжал из нее все соки. И она не была уверена, что вынесла что-то полезное из встречи с Йонни Сванеллем.

Он снял маску. Может, ему просто хотелось ее проверить, может, он по-своему воспринял ее слова и сделал свои выводы. Лучше попытаться помочь, чем стоять в стороне. Оказалось, что он уже десять лет занимается расследованием тяжких преступлений в южном округе. Они успешно расследовали целый ряд возможных похищений, но некоторые из них оказались просто несчастными случаями.

Он дал ей множество советов:

– Найдите всех взрослых людей, с которыми он встречался в последние месяцы. Проверьте его бухгалтерию. Просмотрите упоминания в газетах и возможные публичные выступления. Проверьте все компании, которыми он занимался, все организации, в которых он состоял, узнайте о его образе жизни. Проверьте, есть ли судимости или подозрения в совершении преступлений. Узнайте подробно обо всех заключенных в этом году сделках, в том числе частных – таких как покупка недвижимости.

Другими словами, нужно сделать «дью-дилидженс» по Филипу.

И сделать это надо быстро.

– Мы не в Алжире и не в Колумбии, в Европе заложников не держат больше десяти дней. Если не разобраться за это время, конец будет печален. Если это вообще похищение.

Эмили пыталась следовать его инструкциям.

Придя домой, она позвонила родителям Филипа. Она искала его в Интернете. Заказала списки групп и информацию об однокурсниках Филипа в Стокгольмском университете.

Но ни с кем из них не связалась, пока что дело было очень тонкое. И она сделала все возможное, чтобы разузнать побольше.

Филипу Шале было двадцать восемь, на несколько лет меньше, чем ей самой.

Он вырос в центре Стокгольма, в Эстермальме, жил с родителями, пока не съехал. Учился в школе Нильссона и в Индивидуальной гимназии. Оба заведения – частные школы с репутацией, они существовали задолго до того, как шведская система образования перестала регулироваться государством. Тогда в Стокгольме было только три частные гимназии: Индивидуальная, Французская и Школа Кристофера в Бромме.

Но двадцать лет назад школы полностью приватизировали. Кто угодно мог открыть свою школу, разместить рекламу и набрать учеников. А если были ученики, были и деньги. Школы стали выгодным делом. Простая арифметика: низкие издержки, гарантированные доходы. Мать Эмили была настроена весьма критично, особенно когда один из больших школьных «концернов» обанкротился. Но с другой стороны, а что в современной Швеции она не критиковала?

После гимназии Филип занимался с частным преподавателем, чтобы лучше сдать экзамены, предыдущие оценки оказались недостаточно высокими для поступления в университет. В это же время он разместил свои первые инвестиции. Сын одного из отцовских сотрудников, семнадцатилетний компьютерный гик Кевин Андерссон, в свободное время создал программу для передачи изображений между мобильными телефонами. Филип основал фирму, составил контракт и вложил пятьсот тысяч. Они назвали проект «Пиксель Флоу». Через девять месяцев они продали свою компанию в тридцать раз дороже. На этом деле Филип заработал первые собственные миллионы. Сколько получил юный Андерссон, написавший программу, в бумагах, которые прочла Эмили, не значилось. Однако она отметила, что идея о передаче изображений к сегодняшнему моменту, похоже, умерла, уступив место другим технологиям. Она представила, что отец сказал бы: «Все эти новые штуки происходят быстрее, чем в хоккее». Что он имел в виду под «новыми штуками», всегда было несколько туманно.

После двух попыток Филип наконец набрал на экзамене баллы, необходимые для изучения экономики в Стокгольмском университете. Но похоже, что и там он сдал только треть экзаменов. Большую часть своего времени он посвящал бизнесу.

Кабинет Магнуса. Какие-то бумаги лежали у него на столе. Сверху на них – большой снаряд, кажется, от миномета. Магнус использовал его как пресс-папье.

Он позвонил родителям Филипа:

– Добрый вечер, теперь со мной Эмили. Расскажите, что случилось.

Зазвучал приглушенный голос Карла-Юхана Шале:

– Я только что говорил с Патриком Эрном, это наш с Филипом поверенный в банке. Час назад Филип ему звонил.

– Что он сказал?

Голос Карла-Юхана дрожал, и он несколько раз глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. Эмили показалось, что он не сможет говорить.

– Он сказал, что Филип ему позвонил и попросил перевести шестнадцать миллионов крон на его расчетный счет.

– Ох, вот дерьмо. Вы сообщили в «Редвуд»?

Именно Магнус порекомендовал семейству Шале обратиться в бюро расследований «Редвуд Секьюрити».

– Нет, – ответил Карл-Юхан.

– Тогда я сам им позвоню, пусть у них будет та же информация, что и у нас, и как можно быстрее. Нам нужно в скором времени встретиться с вашим поверенным. Можете прислать его номер?

– Но что нам делать? Кажется, случилось что-то страшное, как мы и подозревали. Нам и в голову не приходило, что что-то подобное может с нами произойти. Это так тяжело. Титти в полном отчаянии.

Эмили решила, что Карл-Юхан на том конце провода с трудом сдерживает слезы.

Когда Магнус говорил, его голос звучал спокойно и размеренно. Важным качеством хорошего адвоката было всегда казаться уверенным в том, что говоришь и делаешь.

– Во-первых, мы еще не знаем, было ли преступление. Во-вторых, хочу сказать, что разговор Филипа с поверенным – обнадеживающий признак. Он жив, и речь идет о деньгах. Сделаем еще один заход, чтобы разобраться, в чем дело. Я бы хотел, чтобы Эмили снова с вами поговорила. И нам нужно еще раз осмотреть квартиру Филипа. Затем нам нужна распечатка его звонков в последнее время и список покупок, за которые он платил кредиткой. Эмили придет к вам как можно быстрее, мы подпишем доверенность и разберемся с расчетным счетом. Подумайте еще, стоит ли нам сообщить его девушке или другим знакомым.

Они поговорили еще несколько минут. В это время пришел мейл с контактами Патрика Эрна, поверенного.

Магнус открыл его, говоря Карлу-Юхану, что они хотели бы осмотреть машину Филипа.

– Мы не знаем, где она, – сказал Карл-Юхан.

– Совсем не знаете?

– Ну, у него есть гараж, но машины там нет.

– Понятно, тогда мы этим займемся.

– А деньги, что нам делать с этими деньгами?

Ответ Магнуса звучал так, как будто с каждым словом он изливал на собеседника порцию успокоительного:

– Я перезвоню после встречи с поверенным. Пусть он ничего не предпринимает сейчас. Положитесь на меня, Карл-Юхан. Мы все уладим.

Магнус задержал руку на телефоне на пару секунд после окончания разговора:

– Жуткая история. Они хорошие люди.

Он повернулся к Эмили.

– Займешься этим?

– Мне поехать к ним сейчас?

Магнус запрокинул голову назад, как будто он внимательно рассматривал потолок.

– Что за люди могли это сделать?

– Да, это полная дикость.

– Это не просто дикость, это полный кошмар.

Эмили не нашла, что сказать.

– Поезжай к ним, – сказал Магнус. – Позвони Тедди.

– Я, кстати, не знаю, зачем он мне нужен. Он ясно сказал, что не хочет с нами работать.

– Ты так и не поняла, Эмили. Мы не так работаем. Мы – юридическая фирма «Лейонс».

Нам нужны только лучшие.

* * *

Входная дверь открылась. Он услышал, как Деян снял и повесил куртку.

– Здорово, красавчик. Не пора ли здесь проветрить? Все еще валяешься?

Деян вошел в комнату. Он казался потрепанным и усталым, с кругами под глазами и глубокими складками на лбу. Похоже, что он все еще был слегка навеселе.

– Я жду, пока ты вернешься. А потом хочу прогуляться.

– Прогуляться? Ты завтракал?

– Нет.

– Тогда кончай тупить, завтрак – самое важное за весь день. Я точно знаю, у меня ж диабет.

Сегодня Тедди ночевал у старого друга.

Вчера вечером у Линды резко поменялось настроение, когда она получила сообщение от Могге Викинга.

Ее сын пошел по той же дурной дорожке, что и Тедди, он восхищался Тедди. На дядю он все время ссыался в ссорах с матерью. Она слышала, что Никола упоминал его и когда чего-то хотел от других парней на улице. Учителя, соцслужбы и полиция рассказывали ей, как это все выглядело: «Я племянник Тедди, знаешь, кто это?», «Шутки со мной шутишь? Вот Тедди об этом узнает».

Линда считала, что все стало еще хуже, когда Тедди вернулся. Теперь он был уже не только примером. Он был самым богом. Но угрозы от Викинга стали последней каплей. Тедди впутал Николу и Линду в свою прежнюю жизнь.

Она злилась, почему он ее не предупредил, когда переехал к ним. Почему не решил своих старых проблем. Почему он был *как раньше*?

Тедди пытался ее успокоить, но все становилось только хуже по мере того, как она пила все больше вина.

И тогда она нанесла смертельный удар.

– Я хочу, чтобы ты съехал хотя бы на несколько дней. Можешь пожить у Деяна или Алекса или кого-то еще из старых приятелей, – сказала она.

Тедди прикрыл глаза.

– Дома должны быть покой и тишина, – продолжила она взволнованно. – Я должна защитить мою семью.

– Да я понял, понял, – это было единственное, что он смог придумать в ответ, хотя и не понимал, почему она считала, что опасность станет меньше, если он съедет.

Когда он осторожно намекнул ей на оплату счета, чтобы наконец уйти, она закричала:

– Я хочу, чтобы мой сын вернулся домой и там не было никаких гангстеров!

Посетители ресторана уставились на них. Линда, похоже, забыла, где они, она то ругалась, то рыдала. И между всхлипываниями повторяла:

– Тедди, ты должен выплатить этот долг, должен.

В конце концов к ним вышел повар и попросил покинуть ресторан. Тедди накинул Линде пальто на плечи и вывел ее за дверь. Он не хотел ссориться. Линда так много сделала для него. Когда он довел ее до двери дома, он позвонил Деяну.

– Я все равно хотел пройтись, – сказал Тедди.

– Тогда приглашаю на бранч, а также на опохмел. Тебе нужно взбодриться, что скажешь о старой доброй «Кровавой Мэри» или о бокале шампуня? А потом я тебе расскажу о разных интересных штукаx, которые со мной случились, то есть что мне ночью перепало. Я на коне и за ночь повидал больше задниц, чем унитаз в девчачьем туалете в «Стурекомпаниет» за целые выходные.

– Рад за тебя, раз твоя жизнь такая охеренная. Моя как-то больше херовая.

Он снова подумал, не рассказать ли Деяну о ссоре с Линдой или о долге, который этот скот Могге пытался из него вытрясти. Но он не хотел портить Деяну настроение, к тому же он не знал, к чему это приведет.

Через четыре дня он должен заплатить Могге Викингу. Он понятия не имел, что делать. Занять денег у Линды? Но она его только что вышвырнула из дома, к тому же у нее и половины суммы не наберется, и ей придется продать машину.

Ограбить банк и надеяться, что этих жалких запасов налички хватит? Или пойти прямо к Куму, несмотря ни на что, и узнать, не поговорит ли с ним Хильстрем напрямую. Нет, так не пойдет. По тем же причинам, по которым он не хотел просить о помощи Деяна.

Ему просто хотелось, чтобы этот день прошел спокойно.

– Не верю, что мне повезет, – ответил он Деяну. – В последний раз, когда я рискнул и думал, что попрет, я вляпался и сел на восемь лет. Вот такая вот везуха.

– Да нет, это не последний. Ты просто не понимаешь. Мы ждем, что фортанет, каждый раз, как что-то делаем, по несколько раз на дню. Каждый раз, когда заходишь под крышу с сосульками, надеешься, что ни одна не упадет. Когда пьешь пиво, надеешься, что никто в него не налил какой-то дряни. Понимаешь, к чему я?

Деян уселся на стул напротив. Он, кажется, хотел поговорить о том, что такое везуха. Но тут зазвонил телефон Тедди. Молодой женский голос.

– Привет, это Эмили. – Он не сразу понял, кто это. – Я помогаю вам с санацией долгов. У вас есть пара минут?

– Да хоть целый день, если хотите.

– Нет, столько времени у нас нет. Нужно начать сейчас же. Магнус хочет, чтобы вы участвовали.

– Я уже сказал все, что думаю.

– Да, но тут кое-что произошло. С семьей говорил их банковский поверенный. Человек, который пропал, хочет снять крупную сумму со своих счетов. Так что теперь мы знаем, что это вымогательство.

– И почему вы не думаете, что этому человеку просто нужны деньги, чтобы поехать погреться на солнышке, подальше от этой холодной страны, где людям даже жить негде?

– Поверьте мне, мы убеждены, что совершено преступление. Но я не могу об этом говорить по телефону.

– Я не тот, кто вам нужен.

Эмили на том конце замолчала. Тедди ждал, когда она положит трубку.

Вместо этого она сказала:

– Времени мало, ты не можешь просто говорить «о нет, нет», нельзя так. Что ты собрался делать на этой неделе? Протирать штаны на бирже труда, чтобы месяца через четыре выйти на работу и отдавать приставу семьдесят процентов заработка? Соберись, черт возьми, и помоги нам с этим!

Такого он не ожидал. Эта юристочка, кажется, наорала на него, как будто плотину про-рвало. С ней бы поговорить так, как раньше. Нужно бросить трубку прямо перед ее маленьким ушком с сережкой. Однако он этого не сделал.

– Успокойся, – только это он и смог выдать.

Но Эмили не успокоилась:

– Встретимся в офисе через тридцать минут.

Тедди молчал.

– И кое-что еще, – сказала Эмили. – Твое вознаграждение составит пятьдесят тысяч в день. Плюс бонус, если ты поможешь нам решить проблему.

Снова это слово, которое он слышал вчера от Линды. *Вознаграждение*.

Деян посмотрел на Тедди, положившего трубку, и пытался понять, о чем шла речь.

– Что это было? Ты зашел под сосульки? – спросил он, поднялся, подошел к окну и открыл его.

Тедди сказал:

– Нет, я взял пива. И мне кажется, что кто-то добавил туда дерьма.

* * *

Первым, что поражало посетителей, вошедших в квартиру, – это то, что они оказывались нос к носу с зеброй. Головы зебр на стенах были не самым обычным предметом в сток-гольмских квартирах, хотя такое и встречалось у заядлых охотников. Но целая зебра полу-тора метров в холке – это что-то уникальное.

Карл-Юхан Шале подстрелил ее в Намибии больше пятнадцати лет назад. В той же поездке он уложил еще и леопарда. Он заплатил более сорока тысяч за подготовку трофеев, отправку их таксидермисту в Виндхеке и доставку в Швецию. Шведские власти придумали массу идиотских правил, запретов и прочих глупостей. Но ему удалось своими средствами переправить домой и зебру, и голову леопарда, и никому это не навредило. Порой эстетика важнее бюрократии.

Он посмотрелся в большое зеркало в прихожей, поправил галстук и смахнул волосок с лацкана пиджака. На нем были новые круглые очки, и обычно ему нравилось, как он в них смотрелся. Но не сегодня. Седые волосы зачесаны назад. Как быстро они стали седыми, подумал он.

У него не было сил идти в офис, но он собирался, хотя Титти и была против. Но только до разговора с Патриком Эрном. Теперь о работе и речи быть не может.

Дело не в том, что он не волновался из-за случившегося. Наоборот, он так переживал, что чувствовал почти боль и не мог думать ясно. После разговора с Патриком с ним случилось что-то вроде судорог, он пять минут лежал и дергался на полу в кухне. Он просто надеялся, что работа отвлечет его на пару часов. Но нет...

В телезале был человек, которого прислали в качестве поддержки из «Редвуда».

Титти сидела в кресле в той комнате, которую Карл-Юхан называл курительной, и то плакала, то дремала. Она уже вчера заявила, что не желает говорить с какими-то сторожами, изображающими из себя психологов.

Час назад он отнес ей чашку зеленого чая, но она к ней не притронулась. Карл-Юхан ее понимал, хотел бы он сейчас вести себя так же. Ему хотелось выпить четыре стакана виски и пару таблеток аспирина, раздеться и залезть под теплое одеяло. Он вспомнил игру, в которую Филип любил играть, когда ему было четыре года: одеяльня, как он ее называл. Игра заключалась в том, чтобы строить палатку из одеял с родительской кровати.

Титти это не нравилось, она не любила, когда дети залезали в их постель.

Но Карл-Юхан иногда присоединялся к игре, залезал под одеяльный купол и слушал, как Филип захлебывался от смеха.

Он хотел вернуться в это время. В беззаботные дни. Но в этой семье он глава. Если не взять себя в руки сейчас – то когда? В то же время они не могли справиться со всем в одиночку. Хотя он и провел утро в телефонных разговорах, хоть Расмус, Тобиас, или как его там звали, и сидел с ноутбуком на коленях в телезале и был «всегда доступен», все равно он чувствовал себя как в изоляции. Сейчас это *он* сам, никто не мог чувствовать, как чувствовал он, никто не беспокоился так, как он.

Только он. Один.

Зазвонил домофон, длинная дробная трель, которая раньше никогда ему не мешала.

Голос этой девочки из юрфирмы, Эмили.

Назвав ей код, он поправил галстук еще раз и повернулся к Расмусу, как этого человека, кажется, звали.

– Ничего страшного, это из юридической фирмы.

Он открыл дверь до того, как Эмили успела позвонить.

У нее были светло-русые волосы с косым пробором, заправленные за уши. Взгляд зеленых глаз был умным, но она слишком сильно их накрасила, а высокие каблуки казались слишком толстыми и неизящными.

Он взял у нее пальто, оно тоже тонкое и дешевое. Она была аккуратно одета. Черный топ под пиджаком, из обычного хлопкового трикотажа, не меринос и не кашемир. Пиджак, тоже черный, ничего особенного из себя не представлял. Ее одежда явно указывала на средний класс.

Карл-Юхан содрогнулся от этого понятия. Эту страну наводнили люди, которые почти что с гордостью так себя именовали, но что в них такого среднего? Они контролировали все общество. Кроме того, они, похоже, считали, что раз уж их так много, то у них есть право требовать чего угодно. Разве не должно быть наоборот? Чтобы те, кто что-то привносил в общество, или чьи семьи что-то приносили на протяжении многих поколений – чтобы у них было право требовать что-то взамен?

Права человека, экономические и социальные гарантии, так это называлось. Конечно, это важная составляющая благополучной Швеции. Но нельзя, чтобы это заходило слишком далеко. Право жениться на ком хочешь. Право скачивать что угодно из Интернета. Право донимать королевскую семью, которая за двести лет и мухи не обидела. Право построить мечеть с минаретом, чтобы по пять раз в день выкрикивать свою женоненавистническую пропаганду. Право иметь работу и одновременно требовать компенсацию, когда работать не хочется.

Налоговая нападала на людей, которые инвестировали огромные суммы и законно пытались не платить больше налогов, чем требовалось, одновременно с тем, как все хотели нанять домашний персонал нелегально, как только появлялась возможность. Пытались закрыть школы, которые взрастили поколения успешных людей, и плачущие дети высмеивались в новостях только потому, что их родители могли платить школьные взносы.

Самым мерзким было то, что зависть, похоже, стала движущей силой. В этой стране запрещено быть успешным, но еще хуже – заявлять, что твой ребенок чего-то достиг.

Средний класс: в том, что сейчас происходит, их вина. Они ответственны за Филипа. Они читали газеты, которые копались в его жизни. Но он перестал об этом думать, глядя на Эмили, стоявшую в прихожей. И совсем не она сейчас привлекла его внимание. Дело в мужчине рядом с ней.

Высокого роста, в ветровке, которая больше подошла бы бездомному. Какая-то тускло-серая: или от грязи, или от бесчисленных стирок, и мятая, как будто много лет пролежала свернутой в шкафу. Волосы подстрижены ежиком, это производило неприятное впечатление. Мужчина без прически – мужчина без стиля, такова была одна из его, Карла-Юхана, собственных поговорок.

– Добрый день, Карл-Юхан, как дела? – спросила Эмили.

Сначала он не понял, что она сказала. Он просто продолжал смотреть на мужчину рядом с ней, который здесь был еще больше не к месту, чем литовские гастарбайтеры.

Потом он сказал:

– Бывало и лучше. Ужасно. Но проходите уже ради бога. Хорошо, что вы и... – Он повернулся к высокому мужчине: – Простите, так как вас зовут?

– Меня зовут Найдан, но можете называть меня Тедди.

Мужчина протянул руку, это было то невежливое рукопожатие, которое отдается во всем теле.

Карл-Юхан провел их в библиотеку.

Мужчина, пришедший вместе с Эмили, не снял куртку.

* * *

Он ждал.

Ждал, что кровь перестанет идти из пальца – что и произошло через пару часов после того, как Джокер его отрезал.

Он ждал, что этот больной псих вернется и изуродует его еще больше. Он лежал, прижавшись ухом к двери, и слушал. Как только он различал какой-то звук, его желудок сжимался. Но Джокер просто с кем-то говорил по телефону.

Филипу удалось расслышать слова «легалы», «килограмм» и «тренажерка». Других разговоров в комнате не велось.

Когда Джокер откромсал ему палец, он долго лежал, тихо плача. Потом он заставил себя собраться, и именно тогда ему пришло в голову связаться с Патриком. Вдруг, вдруг они выпустят его, если все сработает?

Похоже, что речь шла только о деньгах.

Когда он предложил Джокеру лично позвонить поверенному в банке, тот только ушел, захлопнув дверь. Филип слышал, как он тихо с кем-то говорил, вероятно, по телефону. Потом он вернулся, чтобы прояснить, что именно Филип должен сказать Патрику Эрну.

И Филипу пришла в голову идея составить фальшивый договор о покупке. Он понимал, что Патрику покажется странным, если Филип захочет купить квартиру за шестнадцать миллионов наличкой без нужных бумаг. Но такой фальшивый контракт, который Филип мог бы подписать и отправить Патрику, они все еще не сделали.

Он считал это плюсом. Пока он ничего не подписал и не заполнил, он нужен им живым.

Поэтому он ждал кое-чего, что было еще важнее.

У него появилась идея, план.

Есть прием, который, быть может, позволит ему выбраться отсюда.

Перед разговором с банком липкую ленту содрали со рта.

Но снова ее приклеили небрежно.

Он опять принял ухом к двери и прислушался.

Сначала он слышал только непрерывно играющую музыку. Вряд ли это было радио, он не услышал рекламы или голосов ведущих. Только электронное звучание, напоминавшее обычный хаус.

То ли Дэвид Гетта, то ли Дафт Панк.

Где-то через полчаса все затихло. Он не слышал, что дверь захлопнулась. Но похоже, что там, снаружи, все вымерло.

И тогда он принялся за дело.

Еще должно быть утро, с Патриком он говорил около девяти часов. Филип запомнил время на телефоне Джокера, когда он звонил. Может, в доме есть кто-то, кто сможет услышать его отчаянные крики.

– Пожалуйста, помогите мне! Меня похитили! – закричал он.

Ничего не произошло.

Он знал, что здесь хорошая звукоизоляция. Дело в том, что именно на это качество он обращал внимание, когда покупал эту квартиру. Все-таки он продолжил кричать. Кажется, его похитители покинули квартиру; когда он на несколько секунд остановился, то не услышал ни звука. Или это было частью их тактики – не обращать на него внимания. На самом деле это неважно, чем дольше он сможет шуметь, тем лучше.

– Руки болят, эй, кто-нибудь, ослабьте веревки. Эй. Меня держат здесь силой.

Было совсем не трудно вызвать плач. В последний раз он плакал по-настоящему ночью, когда они отрезали ему палец.

Кроме того, с того же момента он перестал пить ту гадость, которой его поили из бутылки. Вместо этого он пил из крана. Он надеялся, что они думали, будто он не может добраться до раковины со связанными руками, но ему удавалось поворачивать кран носом.

Чем больше он об этом думал, тем больше ему казалось, что само похищение не особенно хорошо спланировали. Да, его схватили, когда Стефани не было дома, но после этого они действовали не слишком умно. Похоже, они не предвидели проблем с банком. Его держали в квартире, и не в самом секретном месте – может, потому что они рассчитывали, что

все пройдет быстро. Его не запрятали в какой-нибудь ящик, что, как Филип читал, происходило с другими жертвами похищений.

Он продолжал кричать.

* * *

Вдоль одной из стен в комнате располагался стеллаж, сделанный на заказ, насколько Тедди мог судить со своими тюремно-столярными знаниями. В поле зрения не было ни одной вещи из ИКЕА. Большинство книг казались старыми, целый ряд составляли толстые синие тома Национальной энциклопедии, которые выглядели одинаково. В пространстве между книгами стояло несколько фотографий в рамках. Внизу, на уровне пола, выстроились книги в бумажных обложках: Джон Гришем, Ян Гийу и другие авторы детективов. Среди книг не было ни одной, которую бы он читал.

На верхней полке стояло чучело совы и взирало на них сверху вниз, на другой стене висели охотничьи трофеи, лосиные рога и рога другого животного поменьше. Тедди предполагал, что это должна быть косуля, но он заметил и голову буйвола, нескольких газелей, или как там их называют, и леопарда.

Еще там стоял весьма реалистичный кабан, а в холле он увидел чучело зебры. Карл-Юхан Шале, похоже, любил выставлять напоказ тех, кого убил.

Карл-Юхан жестом указал на кресло, и Тедди сел в него. Эмили уселась на массивный диван с цветочной обивкой, который выглядел чрезвычайно глубоким и не особенно удобным. Она почти потерялась там и походила на маленькую куклу, которую посадили туда для украшения.

Карл-Юхан неторопливо уселся в другое кресло. Он был небольшого роста, одет в серый фланелевый пиджак, темно-коричневые вельветовые брюки, белую рубашку, на шее повязан темно-зеленый галстук. На ногах – лоуферы с маленькими кисточками. Сам Тедди остался в носках. Эмили, заметил он, не стала снимать уличные туфли.

Отчаяние Карла-Юхана казалось почти физическим. Оно чувствовалось в его движениях, в побелевшем лбе. При обмене рукопожатиями Тедди ощутил, что ладони Карла-Юхана были влажными. Он вдруг почувствовал острую жалость к этому человеку. Его сына похитили, и Тедди знал лучше многих других, чем это могло закончиться.

– Вам нужна уверенность, чтобы связаться с телефонным оператором? – спросил несчастный отец.

– Да, нужна. Мы хотим получить список телефонных контактов Филипа за последнее время, – ответила Эмили и вытащила какую-то бумагу из сумки. – Мы не стали писать вам, так как нам в любом случае нужен оригинал подписи, и я подумала, что так будет быстрее. Кроме того, мы хотели бы поговорить с вами кое о чем.

– Хорошо. Вы уже разговаривали с Патриком?

– Да, у Магнуса был с ним короткий разговор, и мы договорились о скорой встрече, он придет к нам. Ему нужно выяснить в банке, что он может рассказать о беседе с Филипом.

Это все было нереально. Еще месяца не прошло, как Тедди вышел на свободу, и вот он сидит здесь, снова втянут в преступление. Не так, как раньше, совершенно на другой стороне, но тем не менее. Он подумал, а правда ли он старался этого избежать, достаточно ли часто писал работодателям? Сделал ли он все что мог?

* * *

Вообще-то, Эмили не нравилось встречаться с клиентами за пределами офисных переговорных и конференц-залов. За исключением территории других юридических фирм. Но сейчас речь шла, конечно же, о совершенно особенном во всех отношениях случае.

– Телефоном Филипа занимается одна из его компаний, но вы тоже член правления и можете подписывать документы от имени фирмы.

– Да.

– Я отправлю доверенность, когда мы закончим здесь, и попрошу списки. Я знаю, что вы так и не нашли его телефон: ни в квартире, ни в офисе.

– Вот именно, телефона не было в квартире. И в офисе. Но у него был, кажется, айфон, я видел это в документах на подключение.

– Вы не знаете, это пятый айфон или новая модель?

– Понятия не имею. Но «пятерка» – это ведь неплохо, да?

– Может быть. Дело в том, что у него может быть «iCloud», облачное хранилище, где, помимо прочего, есть служба «Найти iPhone».

– И его действительно можно найти?

– Да, если вы знаете определенный код, то с его помощью можно вычислить, где сейчас находится телефон. А айпад, у него был айпад?

– Такой планшет?

– Да, именно.

– Был где-то в квартире. Вы не спрашивали раньше.

– Я знаю. Можно взглянуть на него?

Карл-Юхан поднялся, его движения стали более энергичными.

Эмили и Тедди молча ждали.

Через некоторое время он сказал:

– Ты, кажется, сама справишься, ты и вопросы задаешь, как полицейский.

– Посмотрим.

Тедди ответил:

– Но ты, похоже, не очень разбираешься в таких вещах. Почему вы раньше не забрали айпад?

– Не знаю. Мне это пришло в голову только сегодня.

– Ладно. Но тебе нужно еще кое-что знать о телефонах и разговорах.

Эмили не понимала, с чего Тедди разыгрывать из себя гуру технологий. Она видела его собственный мобильный. Он больше походил на музейный экспонат.

– Ты собираешься еще нудеть? – спросила она.

Тедди оскалился в преувеличенно широкой улыбке. Из-за пустоты в нижней десне он выглядел старше.

Карл-Юхан вернулся с айпадом в руках.

Эмили взяла его и провела пальцем по экрану, открывая приложения и кликая по ярлыкам.

Главное стало понятно сразу.

– У него нет «Найти iPhone», а значит, мы не можем обнаружить его телефон через эту систему. Остается надеяться на распечатку звонков, которую мы получим по вашей доверенности.

Карл-Юхан прикрыл глаза.

– И я ожидаю комментариев от Магнуса насчет перевода до встречи с Патриком, – сказала Эмили.

Она кивнула в сторону Тедди. Она знала, как о нем рассказать.

– Я еще не объяснила, зачем здесь Тедди. Мы попросили его нам помочь. У него основная сеть контактов и большой опыт в той криминальной области, о которой может идти речь в нашем случае.

Карл-Юхан сидел в кресле, наклонившись вперед. Как будто у него что-то болело. Живот или душа.

– Я думаю, Тедди нужно с вами поговорить. Я сама отправлюсь в «Телефонику» как можно скорее. Что скажете?

* * *

Пока Эмили проверяла планшет, Тедди сидел молча и только осматривался. Он сам с этой игрушкой умел управляться не лучше, чем какой-нибудь неандерталец. На зоне и мобильники были запрещены, тем более компьютеры или планшеты. В системе страшно боялись, что кто-то из заключенных сможет контактировать с внешним миром. Работа с зеками строилась на принципе, что изоляция лучше способствует их адаптации в обществе, чем возможность общаться с семьей, родней и друзьями.

Он снова стал рассматривать книжные полки и обратил внимание на две фотографии. На одной был Филип в блейзере с золотистыми пуговицами, с аккуратно причесанными волосами, наверное, в день окончания школы. На вид ему было лет шестнадцать. На второй фотографии – молодая женщина. Тедди прищурился и попытался со своего места разглядеть лицо девушки. Наконец ему удалось сфокусироваться: это, должно быть, сестра или родственница Филипа. У нее такие же большие глаза и немного вздернутый нос. Волосы не такие светлые, как у Филипа, но линия их роста у лба была точно как у него.

Когда Эмили вышла, Тедди попытался перехватить взгляд Карла-Юхана.

– У меня есть несколько вопросов. Они нужны, чтобы составить представление о Филипе.

Карл-Юхан равнодушно ответил:

– Пожалуйста, приступайте.

– Лучше будет, если ваша жена тоже придет, вместе вы знаете больше, чем каждый по отдельности. Можете спросить ее, выйдет ли она?

Катарина Шале опустилась на диван, где недавно сидела Эмили. Она, судя по всему, знала, как обращаться с такой мебелью, и ей не нужны были подлокотники, чтобы удобно расположиться. Но дело было не только в привычке, она определенно обладала грацией, спину держала прямо и подбородок – ровно, ни на миллиметр не отступая от воображаемой горизонтали.

Тедди представился и спросил ее о здоровье. Это было лишним.

Ее лицо было покрыто красными пятнами, глаза все еще влажные, и взгляд бродил по комнате, иногда замирая, и тогда казалось, что она смотрит куда-то далеко-далеко.

– То, что случилось с Филипом, вполне может быть связано с его обычной жизнью, – сказал Тедди.

Катарина оперлась на краешек подлокотника, подперев подбородок рукой.

– И каков же ваш опыт в таких делах?

Тедди почувствовал, как у него заурчало в животе. Нужно завоевать их доверие, иначе дело плохо.

Он спокойно продолжил:

– Полагайтесь на меня, я разбираюсь в этом лучше всех. Я понимаю, что вы чувствуете себя беспомощными. То, что вы сейчас переживаете, наверное, самая ужасная ситуация, в какой только может оказаться нормальная семья. Но я скажу, как Уинстон Черчилль: легко увидеть трудности, но нужно быть оптимистом и в каждой трудности видеть еще и возможности. Все будет в порядке.

Он заметил, как плечи Катарина опустились, она расслабилась.

– Да, конечно. Это так ужасно.

Тедди встретился с ней взглядом.

– Тогда я продолжу, – сказал он. – Я хотел бы знать, чем занимался Филип.

– Он много работал. Вам уже, наверное, рассказали о его работе, о том, что он занимался разного рода инвестиционными проектами. Магнусу и Эмили это известно.

– Как долго он этим занимается?

– Дайте подумать... около четырех лет, – ответил Карл-Юхан.

– Где он учился?

– Здесь, в Стокгольме. Мне кажется, он сдал не все выпускные экзамены, но у него и так все хорошо складывалось. Положа руку на сердце, зачем нужно все это учение? Филип – отличный пример того, что все, что требуется, – это немного предприимчивости, – сказал Карл-Юхан.

– Вы знаете кого-то из его университетских друзей?

Родители Филипа переглянулись.

– Я никого не знаю, – ответила Катарина. – А ты, папуля?

– Нет, я тоже ни про кого из них не слышал.

– Где его офис?

– В центре, на площади Стуреплан.

– Там есть персонал?

– Два человека, по-моему.

– Хорошо, вы сказали Эмили, как их зовут?

– Конечно.

– А клиенты, партнеры, деловые контакты? У вас есть их имена?

– Вообще-то нет. Никто и не спрашивал об этом. Они вам и правда нужны?

– Могут понадобиться.

– Хорошо, тогда можно обратиться в «Клареру» – я пользуюсь услугами этой бухгалтерской фирмы, думаю, что и Филип тоже. Но им нужно правильно задать вопросы. Также было бы неплохо связаться с Яном Крона.

Карл-Юхан коротко рассказал о Яне.

– Хорошо. А другие друзья, вы что-то знаете о них?

– Большинство – друзья детства еще со школы. И я боюсь, что некоторые из них могут спросить, что стряслось с Филипом, и это будет катастрофой.

– Я понимаю, что нужно действовать тонко. Но мы должны серьезно обо всем поразмыслить. Думаю, нам понадобится поговорить с Яном Крона. Обсудим это с Магнусом.

– Не знаю. Все друзья Филипа – хорошие парни, но представьте, если они забеспокоятся и обратятся в полицию?

– Справедливо. Но если они не смогут с ним связаться и будут постоянно звонить или пойдут к нему домой, а он не откроет, ну и так далее – то тогда они все равно пойдут к легавым.

Тедди почти почувствовал, как Карл-Юхан и Катарина замерли, разглядывая его.

Он задал им еще несколько вопросов о приятелях сына. Записал их адреса и какое отношение они имели к Филипу. Наконец он спросил:

– Чем еще Филип занимается помимо работы?

– Встречается с друзьями, наверное. Как и все.

– И чем они занимаются?

– Тем же, чем вся молодежь. Обедают вместе, ходят в рестораны, путешествуют.

Тедди на секунду задумался над этим ответом, он был немногословным, очень неопределенным. И он не мог не сравнивать досуг Филипа с тем, чем он сам занимался в последние годы.

– Еще у него есть девушка.

– И кто она, вы ее знаете?

– Лично я ее видел всего один раз, случайно. Они не так давно вместе, всего пару месяцев. Но сейчас, насколько я помню, она уехала.

– Она симпатичная, – вмешалась Катарина. – Хорошая девушка, мне кажется, она не может быть в этом замешана.

– Нет, ее никто не подозревает, – ответил Тедди. – Но она могла заметить что-то важное. Где она?

– Магнус сообщил мне, что она на Маврикии, – ответил Карл-Юхан, снова перехвативший инициативу. – Но можете ей не звонить. У меня сложилось впечатление, что она хм... не очень наблюдательна, понимаете?

– Понимаю. Может быть, у Филипа появились какие-то новые друзья?

– Я ничего о них не слышал, – ответил Карл-Юхан. – Но с уверенностью не скажу.

– Может быть, он вызывал мастера на дом? Или общался с другими людьми, у которых мог быть доступ к его квартире или этой штуке с кодами, диджитпассу?

– Насколько я знаю, нет.

– У Филипа есть враги?

В первый раз Карл-Юхан поднял взгляд и посмотрел в глаза Тедди.

– Нет, не думаю. Филип хороший мальчик. У него такой характер, что он и мухи бы не обидел. Он прекрасный парень. Какие у него могут быть враги?

– Я не знаю, может быть, он кого-то обидел? Кто-то решил, что он когда-то сделал что-то плохое? Может быть, слишком высокомерно с кем-то обошелся? Это может быть кто угодно.

– Нет, я уже сказал, он не такой.

– Он упоминал о чем-то странном или необычном, что с ним случилось в последнее время?

– Нет, не припомню такого.

– Что-то указывало, что за ним следят?

– Определенно нет.

– Вы знаете, что его избили несколько недель назад?

– Да, это случилось у ночного клуба, какой-то иммигрант из Седертелье совершенно беспричинно набросился на Филипа. У него распухла губа, а на бровь пришлось наложить шов, – ответила Катарина.

– Это все? Ему угрожали? Что они сказали?

– Нет, кажется, нет.

– Но вам об этом рассказал Аксель Нильссон?

– Да.

Катарина Шале о чем-то задумалась. Она дважды поменяла позу, и каждый раз при этом звякала золотая цепочка у нее на шее.

Волосы Катарини были высветлены и тщательно причесаны, ни одного выбившегося волоска, хотя последние дни у нее по понятным причинам и выдались беспорядочными. Она была стройной и подтянутой, лицо, к которому сейчас вернулся нормальный цвет, оказалось

загорелым и ухоженным. Сложно сказать, сколько ей лет, но должно быть, минимум пятьдесят пять. Она, конечно, следила за своей внешностью.

Тедди ждал, что Карл-Юхан продолжит. Но он ничего не добавил.

– Полиция, во всяком случае, ничего не сообщала нам об этом нападении.

– Да, но это ни о чем не говорит. Вы не пострадавшие и не свидетели. Аксель не говорил, был ли кто-то из друзей Филипа рядом, когда это случилось?

– Нет.

– Были другие свидетели?

– Насколько нам известно, нет, но Филипу, скорее всего, помог кто-то из бара.

– Вот как, я об этом не слышал. Вы знаете, кто это был?

– Увы. Аксель, похоже, тоже не знал.

– Еще один вопрос: у Филипа есть братья или сестры?

– Да, сестра, Каролина, – ответил Карл Юхан.

– Она живет в Стокгольме?

– Нет. И при чем здесь она?

– Может быть, она что-то знает? Они с Филипом близки?

– Нет, я бы так не сказал. Она ни с кем не была близка, если можно так сказать.

– Могу я получить ее номер?

Тедди отчетливо заметил это движение, хотя Карл-Юхан и пытался его скрыть. Отец Филипа покосился на Катарину и покачал головой.

Они ответили почти одновременно:

– У нас нет ее номера.

* * *

Диван в библиотеке стоял, вероятно, больше, чем вся обстановка в доме ее родителей. Но это неважно – спина у Эмили все еще болела после той акробатической позы, когда ей пришлось на нем посидеть.

Теперь она стояла в холле, только что переговорив с Магнусом: поверенный Филипа скоро приедет в офис, чтобы с ними встретиться.

Мертвая зебра таранилась на нее. Эмили ждала заказанного такси. Из библиотеки доносились голоса Тедди и старших Шале.

Сначала голоса были сухими и ровными. Они явно ему не доверяли, и он, похоже, не понимал, как нужно говорить с такими людьми. Она только надеялась, что он не вел допрос в идиотской гангстерской манере. Потом что-то произошло, голоса за дверью стали мягче. Интересно, что такого он сказал и как вел себя, раз ему удалось заполучить их доверие.

На стенах здесь висели бра и две большие картины. Совсем иной стиль, чем в кабинете Магнуса: на этих картинах были изображены местные животные, лиса и куропатка, бегущая по снегу. Эмили хотелось спросить, что зебра думала о таком обществе.

В ожидании такси она попыталась представить, что Карл-Юхан и его супруга о ней подумали.

Важные жизненные вопросы никогда не вызывали у нее колебаний, она не сомневалась, что сможет достичь всего, чего захочет, и сделать отличную карьеру благодаря своему уму, знанию людей и силе воли.

Сомнения у нее вызывали мелочи, межчеловеческие отношения. Как нужно вести себя с другими, что о ней подумают, почему у нее не так уж много друзей. Временами она как бы смотрела на себя со стороны, как будто никак не могла перестать себя контролировать и все анализировать, как при встрече с новым знакомым. Как будто она пыталась приспособиться

и стать тем человеком, которым *должна бы* стать. Она уже собиралась заглянуть в старую комнату Филипа, но тут позвонил таксист и сообщил, что машина ждет.

Как раз когда она собиралась открыть дверь, появился Тедди.

– Ты правда не хочешь знать, что я могу рассказать о звонках?

– Ты можешь позвонить мне позже? Такси ждет. Ты же такой мобильный эксперт, должен знать, что можно звонить на ходу?

– Ты хочешь узнать или нет?

– Ну хорошо, в чем дело?

– Тебе нужна не только детализация звонков от оператора. Затребуй информацию о том, где телефон находится. В детализации будут только номера, по которым Филип звонил и с которых звонили ему. Но если ты получишь данные о подключении к сети, то увидишь, к каким вышкам подключался его телефон. Тогда мы сможем отследить, где он находится. В полиции так всегда делают.

– Хорошо, спасибо. Я попрошу об этом. И еще один момент. Не покалечь им руки, когда будешь прощаться.

В такси она положила на колени айпад Филипа.

Она зашла на его страницу в Facebook. Пароль не потребовался, вход произошел автоматически. Еще вчера она обратилась в скандинавское отделение соцсети с просьбой предоставить все данные о его аккаунте, то есть архив сообщений, информацию о друзьях и так далее. Но она была почти стопроцентно уверена, что получит отказ, такие данные они предоставляют только полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.